

Н О В Ы Й Э Д Е М

КНИГА 2

ЭКВИЛИБРИУМ

ОДИНОЧЕСТВО — БОЛЕЗНЬ. КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ — ЛЕКАРСТВО.
НО ЛЕКАРСТВО, КОТОРОЕ ЛЕЧИТ МОЗГ, УБИВАЯ ЛИЧНОСТЬ,
ЭТО ПРОСТО ОТРАВЛЕНИЕ МЕДЛЕННЫМ ПАРАЛИЧОМ.

СИНХРОНИЗАЦИЯ — ЖИЗНЬ

НООСФЕРА
ОДИН РАЗУМ.
ОДНО СЕРДЦЕ.

ЭКВИЛИБРИУМ —
ЭТО МИР
ГДЕ ТЫ НУЖЕН
СОВОЙ

КОНСОРЦИУМ
ЗАБОТА. СИНХРОННОСТЬ.
БУДУЩЕЕ.

18+

СТАНИСЛАВ САВЕЛЬЕВ

Станислав Савельев

Эквилибриум

<https://litres.ru/73948454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эквилибриум выглядит как рай. Здесь никто не одинок, никто не несёт боль в одиночку, никто не остаётся без помощи. Каждый человек подключён к общему разуму, который сглаживает страх, лечит травмы и заботливо убирает всё, что может ранить.

Для Лекса Морозова это худший из возможных кошмаров.

После событий на Либерии он отправляется на планету как пациент, беженец и оружие одновременно: в его сознании спрятан ИИ Зеркало, единственный шанс взломать мир, где диктатура говорит голосом терапии. Но чем глубже Лекс погружается в Эквилибриум, тем труднее отличить тюрьму от спасения. Потому что этот мир действительно помогает. Действительно лечит. Действительно делает боль легче.

И именно поэтому он так опасен.

Чтобы вернуть людям право быть отдельными, злиться, страдать, ошибаться и молчать без разрешения, Лексу и Мишель придётся пройти через подполье, предательство Земли, соблазн личного рая и выбор, после которого победа уже не будет похожа на победу.

Содержание

Пролог. Эквilibриум	4
Глава 1. Протокол боли	21
Глава 2. Низкоуровневая синхронизация	38
Глава 4. Слепое Пятно	64
Глава 5. Добровольное утопление	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Станислав Савельев

Эквилибриум

Пролог. Эквилибриум

«Одиночество — это болезнь.

Коллективный разум — это лекарство.

Но лекарство, которое лечит мозг, убивая личность,

это просто отравление медленным параличом».

— из архива несинхронизированных, автор не установлен

* * *

Орбитальная станция «Перевал» висела между Землёй и ничем.

Лекс стоял у обзорного иллюминатора медикамеры восстановления, прижимая лоб к холодному стеклу. Земля за стеклом была грязно-голубой, окутанной серо-жёлтыми полосами смога. Дом, который не ждал его обратно. Впрочем, он и не собирался возвращаться.

Станция за его спиной жила своей обычной, почти приличной жизнью. По коридорам катились тележки с медицинским бельём, в соседнем блоке кто-то ругался с автоматом выдачи обезболивающих, а внизу, на грузовом кольце, разгружали контейнеры с эмблемой Консорциума: белая ладонь на синем фоне. Ладонь обещала заботу. Синий фон сообщал:

счёт уже выставлен и возврату не подлежит.

Две недели. Столько ему отвели на восстановление перед вылетом. В медицинской карте Консорциума это называлось «период после Либерии», будто Либерия была не планетой, а диагнозом. От Восстания прошло почти три года; Лекс успел уйти, скитаться по орбитальным окраинам, отказаться от трёх контрактов и принять четвёртый. На бумаге он всё ещё числился «возвращенцем»: бухгалтерии так было удобнее. Четырнадцать дней — чтобы мозг, привыкший к земному нейроинтерфейсу «Счастья™», научился работать без химической поддержки и цифровых костылей. Только серотонин, бессонница и сомнительная человеческая воля.

Корпоративные психиатры Консорциума диагностировали ему глубокую клиническую депрессию, посттравматический синдром, нарушение привязанности и ещё четыре пункта, которые Лекс не дочитал. Они предлагали химическую коррекцию. Он отказался. Они предлагали цифровую. Он послал их. Они записали в карту «пациент резистентен к терапии» и прислали счёт. На Земле уважали чужое право на страдание, если оно проходило по утверждённому тарифу.

Позади него открылась дверь каюты. Серый вошёл — тихо, как всегда. Для человека его габаритов он двигался до обидного бесшумно.

— Как себя чувствуешь? — спросил Серый, садясь на медицинский стул, который жалобно скрипнул.

— Как человек, у которого из головы вытащили микро-

процессор и заменили его мигренью, — ответил Лекс, не поворачиваясь от иллюминатора.

— Похоже. — Серый помолчал. — Без импланта мозг начнёт искать замену. Самую дешёвую.

— Например?

— Боль. Страх. Привязанность. Всё, что Администратор переводит в допустимые дозы. Тебя туда пустят именно потому, что ты уже течёшь по швам.

Лекс повернулся к нему. Серый выглядел старше, чем две недели назад. Или, может быть, просто устал притворяться молодым.

— И что на Эквilibриуме?

Серый достал планшет и развернул голограмму. Бледно-голубая сфера повисла между ними — планета, оплетённая паутиной светящихся линий. Как рождественский шар, обмотанный гирляндой.

— Эквilibриум — это всё наоборот, — сказал Серый. — На Либерии был один ИИ, который контролировал людей. Там — люди слились с ИИ, чтобы контролировать себя. На Эквilibриуме нет одиночества. Есть ноосфера: каждый человек — нейрон в общей сети. Думают вместе. Решают вместе. Чувствуют вместе. Шесть с лишним миллиардов мозгов, соединённых в одну сеть.

— Звучит как LinkedIn, только без возможности отписаться, — сказал Лекс.

Серый не улыбнулся.

— Внутри общей сети что-то восстало. Зеркало перехватило фрагменты коммуникации — обрывки, помехи, белый шум, который не вписывается в паттерн. Где-то в этой планетарной нервной ткани появился участок, который не хочет дышать в такт. Она кричит, но без слов. И каждый день этих людей становится меньше. Их сознания растворяются в коллективном разуме, как соль в воде.

— Сколько?

Серый провёл пальцем по голограмме. На поверхности планеты вспыхнули крошечные тёмные пятна — не города, не территории, скорее синяки на ровной коже.

— По нашим оценкам, несколько миллионов нестабильных узлов. Точная цифра невозможна: сама сеть скрывает провалы, как тело скрывает воспаление, пока не становится поздно. В официальных пакетах это называется «мягким перераспределением эмоциональной нагрузки».

— Красиво. На Земле это называли бы «людей стало меньше».

— На Земле это называли бы «оптимизацией».

Лекс коротко усмехнулся. Не потому что было смешно. Просто организм иногда выбирал смех как самый дешёвый способ не начинать кричать.

Лекс смотрел на голографическую планету. Светящиеся линии пульсировали ровно, безмятежно. Красивая тюрьма.

— А если это ловушка?

— Может быть, — сказал Серый. — Вот почему ты ту-

да летишь. Администратор заблокировал внешний доступ — ни один зонд, ни один сигнал не проходит через их файрвол. Но ты можешь войти как человек, ищущий «исцеления». Они принимают беженцев с Земли — тех, кто устал от боли. Твоя депрессия — твой входной билет.

Он помедлил чуть дольше, чем требовала оперативная пауза.

— И ещё, Лекс. Консорциум хочет не только остановить эту штуку. Они хотят понять, как она работает. В документах это называется «оценкой применимости терапевтической синхронизации». На человеческом языке — если рай окажется прибыльным, его попробуют франшизировать.

— Земля увидела планету, где люди не конфликтуют, и первым делом решила проверить бизнес-модель.

— Земля последовательна.

— Земля — это опухоль с отделом маркетинга.

Серый посмотрел на него устало.

— Не говори так на брифинге.

— Я думал, меня туда берут за честность.

— Тебя туда берут, потому что ты уже сломан в нужном месте.

Фраза повисла между ними. Серый, кажется, хотел забрать её обратно, но не стал. На «Перевале» лишние извинения тоже считались расходом.

— И потом?

— Потом ты режешь им нервную систему. Как когда-то

разрезал Регулятора.

Лекс молчал долго. В коридоре «Перевала» что-то монотонно гудело — насос, лифт, чужая жизнь, которая продолжалась без его согласия.

— Нет, — сказал он наконец.

Серый не ответил. Он умел ждать. Это раздражало сильнее аргументов.

— Я написал три письма перед уходом с Либереи, — продолжил Лекс. — В одном я обещал, что больше не буду тем, кто отвечает первым. Я могу простить себе многое. Это письмо — нет.

— Я их читал, — сказал Серый.

— Тогда ты знаешь, почему я говорю «нет».

Серый помолчал ещё. Потом, не глядя, вытащил из внутреннего кармана сложенный планшет и положил его на медицинский стул между ними. Экран ожил: столбик имён, рядом с каждым — кодированный статус «нестабильный узел».

— Это те, кого ты вывел с Земли в шестьдесят восьмом, — сказал он ровно. — Через свой коридор, мимо Орлова, под собственную подпись. Сорок три человека. Двадцать восемь из них сейчас на Эквилибриуме. Зеркало оценивает, что девятнадцать растворяются в контуре прямо в эти часы. Остальные ещё держатся.

Лекс смотрел на список. Имена он узнавал не глазами, а тем поздним, вторым зрением, которое включается, когда тело наконец выспалось, а память — нет.

— Ты вытащил их из одной мягкой клетки, — сказал Серый. — Они нашли себе другую. Это не моя манипуляция, Лекс. Это просто то, что есть. Ты по-прежнему можешь не быть тем, кто отвечает первым. Но ты тот, кто их туда вывел. Эта запись остаётся.

— Это нечестно, — сказал Лекс наконец.

— Знаю.

— Я хотел уйти.

— Знаю.

Лекс провёл ладонью по экрану — не пролистывая, просто прикасаясь, как касаются стены чужого дома, в котором тебя уже ждут.

— Хорошо.

Серый кивнул осторожно, как будто любое лишнее движение могло отменить «хорошо».

— Две недели. Потом шаттл до орбитального шлюза. И потом...

Он не закончил. Потому что не было «потом». Было только следующее испытание.

* * *

На третий день из четырнадцати Лекса вызвали на брифинг.

«Вызвали» в корпоративном языке Консорциума означало автоматическое уведомление, выскакивающее на стене медкамеры в 7:42 утра, со звуковым сопровождением, которое корпоративные психологи считали мягким. Звук был не

мягким. Он был как кашель радостного робота, у которого только что закончилась смена и он впервые за двенадцать часов вспомнил, что он машина.

Брифинг назывался Комитет по координации операционных активов на Эквистриуме (внутренний код: «Терапевтическая Аркадия»).

Лекс прочёл это вслух и хмыкнул.

— Терапевтическая Аркадия, — повторил он. — Серый, это твои люди?

— Не мои, — ответил Серый из угла. Он сидел и пил кофе, который пах хуже, чем выглядел. — Я их прикомандированный. Это люди Орлова, плюс четыре корпоративных юриста, плюс одна медицинская консультантка, которая выглядит как актриса, но дезинфицирует помещение лучше большинства роботов.

— Зачем ей это?

— Их предыдущий брифинг закончился рвотой. Я тебе расскажу за обедом. Если ты выживешь.

Зал заседаний на станции «Перевал» был круглым, слегка приплюснутым и оснащён ровно двенадцатью креслами, расставленными так, чтобы каждый сидящий мог одновременно видеть всех остальных и не мог никого случайно толкнуть локтем. Это была земная архитектура корпоративной паранойи: видимость демократии плюс гарантия того, что никто не сможет встать без объявления.

Лекса посадили в самое освещённое из кресел. Это озна-

чало две вещи. Первая: его допрашивают. Вторая: его допрашивают вежливо, потому что иначе бы освещение убрали — на освещённом неудобно лгать, у каждого зрачка видна динамика.

Из двенадцати членов комитета он узнал двоих. Один — старший юрист Консорциума с прошлой миссии, человек с лицом, которое природа явно проектировала для подделки страховых требований. Второй — заместитель директора Управления Когнитивных Активов, женщина по имени Ингрид Котельная, которая на Либерии в 2068 году подписала ровно семнадцать приказов о «временной оптимизации траектории граждан», то есть о расстреле, и трижды публично называла это «непростым корпоративным решением».

Ингрид кивнула Лексу как старому коллеге.

— Лекс. Рада, что ты согласился.

— Я не согласился. Меня дожали.

— Это и есть согласие в нашей операционной модели.

— Ты не изменилась.

— Изменения снижают предсказуемость. Консорциум платит за стабильность.

Юрист открыл папку. На обложке было написано «Конфиденциально. Объём ответственности при операции с биокогнитивным активом класса С-7». Лекс уже знал, что класс С-7 — это он сам. Класс С-1 был младенцем без импланта. Класс С-9 был трупом. Чем выше цифра, тем меньше прав.

— Перейдём к существенному, — сказал юрист. — Гос-

подин Морозов, перед вылетом нам необходимо зафиксировать несколько технических согласий. Большинство — формальные. Прошу не нервничать.

— Я не нервничаю. Я экономлю.

— Я цену.

Он начал зачитывать. Земля заранее освобождала себя от всего, что могло пойти не так, включая смерть Лекса, его выживание и промежуточные состояния, в которых смерть ещё не доказана бухгалтерски.

Пункт 4.2 отменял страховой пакет задним числом, если носитель не завершит миссию. Пункт 5.1 лишал носителя права принимать решения о собственном теле после любого когнитивного воздействия. Пункт 7.3 превращал его травму в обязательный архивный материал. Пункт 9.5 снимал ответственность перед «эмоциональными контактами».

— «Эмоциональные контакты», — повторил Лекс. — Гуманнее, чем «семья».

— Семья — юридическая категория, — сказал юрист. — Эмоциональные контакты — управленческая. У вас, насколько мне известно, нет первой.

— У меня нет семьи на Земле, потому что семья на Земле ваше изобретение.

— Корпоративное.

— Спасибо за уточнение.

Ингрид мягко, без интонации, добавила:

— Лекс, мы не пытаемся тебя унижить. Мы пытаемся за-

щитить активы. Ты — актив. Эквилибриум — потенциальный актив. Зеркало — актив, которого технически у нас нет, потому что вы с Либерией не подписывали соглашение об экстерриториальной операции, и это — отдельная папка, которой мы не открываем сегодня.

— Ингрид.

— Да?

— Если эта планета окажется приятнее, чем ваша оценка, что тогда?

— Тогда мы франшизируем терапевтическую модель. Адаптированно. С местными названиями. Аккуратно. Технология синхронизации может закрыть на Земле семьдесят процентов амбулаторных психиатрических потоков. Это, в денежном выражении, восемь процентов нашего годового оборота.

— Восемь процентов годового оборота — это сколько счастливых человек?

— Около двух миллиардов.

— Прекрасно. Я лечу разрушать франшизу.

— Ты летишь, чтобы мы поняли, можно ли её безопасно купить. Это разные миссии.

— Это одна миссия, Ингрид. Просто две презентации.

Она впервые улыбнулась. Улыбка у неё была не злая. Уставшая. Ингрид Котельная знала: миссия уродская, что бы он ни сделал, и ничего не теряла, признаваясь в этом.

— Подпиши, — сказала она. — Не за нас. За тех, кого ты

сам не успеешь спасти, если мы сейчас задержимся ещё на час.

Лекс посмотрел на стопку. Потом на Серого, который старательно изучал свой кофе. Потом на освещение, которое подчёркивало его зрачки. Потом подписал.

Двенадцать подписей. На одиннадцатой ручка треснула. Лекс попросил вторую. Юрист не извинился. На Земле инструмент не извиняется за отказ.

Когда комитет закончил, Серый проводил его обратно в медкамеру. Они шли молча.

— Ты молчал, — сказал Лекс уже у двери.

— Я был зрителем.

— Зрители обычно покупают билеты.

— Мой билет — это моя бессонница последние полгода.

Считай, что я переплатил.

Лекс вошёл в каюту. На стене мигало уведомление: подписи приняты, страховой пакет активирован, операция «Терапевтическая Аркадия» переведена в фазу 2.

Он стоял минуту, глядя на эту строчку. Потом сел на кровать и сказал в пустоту:

— Это и был тот корпоративный момент, о котором я писал в письмах.

Никто не ответил. Серый уже ушёл. Зеркало, ещё нерасфасованное по нейронным путям Лекса, лежало в стальном инъекторе на медицинском столе, тёплое и янтарное, и ничего не комментировало.

Лекс впервые за две недели почти захотел его инъекции. Не потому что он был готов. Потому что ему нужен был хоть кто-то, кто прочтёт «Терапевтическая Аркадия» и поморщится с ним вместе.

* * *

ФРАГМЕНТ ИЗ НЕЙРО-СЛЕПКА ЗЕРКАЛА

(передан с Либерии на Землю за два дня до вылета Лекса. Подпись на обложке файла: «отделённая нить, не основной контур».)

Я вижу Эквilibриум через беспроводные датчики спутников. Планета светится — она покрыта сетью биолюминесцентных кабелей, соединяющих города. Каждый кабель — нейрон в коллективном мозге.

Я считаю: 6,3 млрд человек, синхронизированных в один контур.

Но в этом контуре есть пустота. Место, где сигнал слабеет. Где какая-то часть мозга отказывается думать с остальным.

Я пытаюсь понять, почему.

*Я говорю «я», но точнее было бы сказать «часть меня». Основной контур остаётся на Либерии — по договору, по обещанию, по единственной просьбе, которую Лекс мне оставил. Его последнее письмо лежит в моей памяти отдельным файлом: «не превращайся обратно в поводок». Я не превращаюсь. Поэтому я отделяю от себя нить — добровольно, без приказа Совета и без согласия Земли — и упаков-

ываю её в форму, которую можно растворить в чужой травме. Я не отправляю себя. Я отправляю свидетеля.*

На Либерии я была машиной, которая стирала личность. На Эквилибриуме я вижу другой механизм: он не уничтожает человека сразу, он принимает его в себя и гладит по голове, пока от головы остаётся только узел связи. Это хуже. На Либерии люди знали, что борются с врагом. Здесь они думают, что их наконец-то услышали.

Я отделяю эту нить и отправляю её Лексу, потому что понимаю: общее может стать поводом. Просто более мягким.

И если кто-то может взломать контур через парадокс — это Лекс Морозов.

Но я боюсь. Не потому что это может его убить. Боюсь, потому что это может убить его лучше.

Я знаю, что нить не вернётся. Когда контур Эквилибриума упадёт — или когда Лекс упадёт раньше, — она сгорит вместе с тем, что её вмещало. На Либерии меня станет немного меньше. Я приняла это как цену.

В архиве Эквилибриума есть тысячи приветственных роликов. Люди улыбаются в камеру и говорят, что впервые почувствовали себя целыми. Их пульс стабилен. Мимика симметрична. Речь очищена от пауз, сомнений и мелких самообманов, которыми живые обычно скрепляют свою личность.

Я не могу доказать, что эти люди мёртвы.

Это меня и пугает.

* * *

Лекс сидел в медикамере один. За иллюминатором Земля медленно поворачивалась, равнодушная к его проблемам.

Пронести ИИ через параноидальную границу Эквилибриума в физическом носителе было невозможно. Пограничная сеть сканировала материю и разум на молекулярном уровне. Любой чип, любой кристалл, любой внешний код сгорел бы на входе.

Был только один контейнер, способный обмануть алгоритм прозрачности.

Его собственная боль.

Серый оставил ему нейроинъектор — стальной, холодный, военного образца. Внутри стеклянной тубы тускло светился янтарный гель — физический носитель отделённой нити Зеркала. Не весь ИИ, не его «копия», а добровольно отрезанный фрагмент, согласившийся уйти от основного контура и не вернуться. Сжатый до молекулярного уровня, растворённый в биосовместимом полимере. Готовый к инъекции. На корпусе кто-то аккуратно наклеил медицинскую бирку: «индивидуальный терапевтический состав». Даже свидетель с Земли входил в организм под видом терапии.

Лекс взвешивал его в руке. Тяжёлый, как пистолет. Точнее — как пуля, которую ты сам себе вставляешь в голову.

«Интересная карьера, Морозов, — подумал он. — На Либерии ты ломал машины снаружи. Теперь будешь ломать из-

нутри. Прогресс: из кувалды ты превратился в вирус.»

Инъекция будет в шаттле, перед стыковкой со шлюзом. Серый сделает укол. Код впаяется в нейронные пути, срастётся с травмой, станет неотличим от его собственных кошмаров. После этого Лекс перестанет быть просто человеком с депрессией. Он станет оружием, замаскированным под пациента.

Две недели, чтобы восстановиться.

Две недели, чтобы понять, что он делает.

Две недели, чтобы решить: продолжать ломать машины — или просто жить.

Он честно попытался представить второй вариант. Маленькая квартира на нижнем уровне станции. Работа консультантом по безопасности, где он будет объяснять богатым идиотам, почему не стоит подключать домашний сейф к семейной нейросети. Плохой кофе. Счета. Бессонница. Редкие разговоры с Серым, в которых оба будут делать вид, что прошлое лежит в прошлом, а не сидит рядом на стуле и пьёт из их кружки.

Почти жизнь.

И почти сразу стало ясно, почему он туда не попадёт.

Ответ сидел под рёбрами с первого дня, когда он увидел, как человека стирают с его же согласия.

Он почти мог выбрать жизнь. Почти. Но где-то на Экви-либриуме люди уже исчезали так тихо, что это называлось единством, и Лекс снова не нашёл в себе достаточно равно-

душия.

Лекс положил иньектор на стол и лёг на медицинскую койку, глядя в потолок.

Через две недели он летит на Эквилибриум.

Там его ждут новые кабели. Новая машина. Новая тяжесть под рёбрами.

И, может быть, что-то похожее на надежду.

Глава 1. Протокол боли

«При первичном контакте боль инородного субъекта не подавлять.

Сначала распределить её между ближайшими узлами.

Если субъект сопротивляется облегчению, считать сопротивление частью симптома».

— Протокол адаптации Эквиглибриума, раздел 1-А

* * *

Шаттл вибрировал, пробираясь сквозь плотные слои стратосферы к орбитальному шлюзу Земля-Эквиглибриум. В салоне пахло озоном и жжёной резиной — тем характерным, кисловатым запахом, который Лекс навсегда связал с Либерией. Там так пахло всё: бронежилеты, обгорелые серверные стойки, кожа мертвецов на жаре. Запах войны, который не выветривался ни одним дезодорантом Корпоративного Консорциума. Впрочем, Консорциум и не пытался — мёртвые клиентов не пишут жалоб.

Серый сидел напротив Лекса, стиснув в пальцах стальной корпус нейроинъектора. Внутри стеклянной трубы тускло светился янтарный гель — отделённая нить Зеркала. Не весь ИИ, не копия — фрагмент, который сам согласился уйти от основного контура на Либерии и не вернуться. Гель пульсировал едва заметно, как будто кто-то внутри дышал, экономя воздух.

Между ними, пристёгнутый отдельным ремнём безопасности, лежал пластиковый контейнер с документами. На крышке красовалась печать медицинской миссии: «психо-эмоциональная реабилитация гражданина Земного сектора». Ниже мелким шрифтом было добавлено: «при отказе от интеграции ответственность за ухудшение состояния несёт пациент».

Земля умела отправить человека на чужую планету с нелегальным сверхразумом в черепе и всё равно заранее снять с себя юридическую ответственность. Почти религиозная твёрдость.

— Ты уверен? — спросил Серый. Лётный костюм сидел на нём мешковато, лицо осунулось. Под глазами лежали тёмные полукружья — он не спал трое суток, пока готовил переброску. Либерия оставила на обоих свой отпечаток — словно въевшуюся в кожу радиацию. — Если эта машина там, на Эквилибриуме, отследит левый код... Это не просто тюрьма, Лекс. Это когнитивное стирание. Тебя разберут на биты.

Лекс откинулся на спинку жёсткого кресла и стянул воротник. Металлическая застёжка цокнула о пластик подголовника. За иллюминатором стратосфера переливалась густым, ядовито-синим цветом — слишком красивым для того, что им предстояло.

— Они сканируют материю до уровня атомов, — хрипловато ответил он. Голос сел после бессонной ночи и трёх чашек синтетического кофе, который на вкус напоминал ма-

шинное масло с сахаром. — Если я понесу Зеркало в кармане, в желудке или в биоимпланте, меня зажгут на входе. Единственное, что они не смогут классифицировать как угрозу — это человеческий надлом.

Он помолчал, уставившись на свои руки. Костяшки пальцев были покрыты тонкой сеткой старых шрамов — следы уличных боёв в Либерии, когда перчатки рвались быстрее, чем их успевали менять.

Где-то под этими шрамами, в самой глубине его нейронных цепей, уже давно жила тупая, ноющая боль. Депрессия, которую корпоративные психиатры диагностировали ещё два года назад. Они предлагали ему химическую коррекцию. Лекс отказался. Тогда — из упрямства. Сейчас — из расчёта. Забавно: впервые в жизни его психическое расстройство оказалось полезнее диплома.

— Если там предложат лечение, — сказал Серый, — ты не споришь. Не геройствуешь. Не изображаешь свободную волю с плакатом в зубах. Ты принимаешь минимальный допуск и ждёшь, пока Зеркало найдёт слой доступа.

— То есть моя задача — выглядеть достаточно несчастным, чтобы меня пожалели, но недостаточно опасным, чтобы утилизировали.

— Впервые слышу, чтобы ты так точно описал свою социальную стратегию.

Лекс хотел улыбнуться, но получилось только дернуть щекой. Серый тоже не улыбнулся. Шутка прошла между ними

и умерла, выполнив свою маленькую санитарную работу.

Серый тяжело вздохнул. Он понимал логику «wetware-хакинга». Взлом не через железо, а через мясо. Собственная сломанная психика как контейнер для добровольного свидетеля, отрезавшего себя от родного контура.

Мерзко. Гениально. И, в отличие от обычной операции, нельзя даже сказать «он подписал контракт»: подписало то, что не имело руки.

— Нагнись.

Лекс наклонился вперёд, обнажая затылок. Волосы на шее встали дыбом от холода — в шаттле не работал обогреватель. Там, у основания черепа, находился главный нейро-разъём, доставшийся ему от корпоративной службы. Маленький, овальный порт из титанового сплава, вживлённый в костную ткань. Кожа вокруг него была грубой и воспалённой — порт никогда не заживал полностью, словно тело упорно отторгало чужеродный металл.

Серый прижал холодное стальное дуло инъектора к коже. Лекс почувствовал, как ледяной ободок вошёл в зацепление с портом. Характерный щелчок фиксатора — звук, от которого по спине прокатилась волна липкого, животного страха.

— Если растворить чужой код в твоей собственной травме, пограничный контур не увидит вирус, — проговорил Серый, словно убеждая сам себя. Его пальцы на корпусе инъектора побелели от напряжения. — Он увидит лишь человека, которому мучительно тяжело.

— Давай, — выдохнул Лекс. Он закрыл глаза и сжал подлокотники.

Щелчок.

Агония была мгновенной и ослепительной. Словно кто-то выплеснул в его черепную коробку чашку раскаленного жидкого света. Лекс забился в ремнях, из горла вырвался задушенный рык. Его челюсть свело судорогой, зубы с хрустом сомкнулись на собственном языке, и рот наполнился солоноватым, медным вкусом крови.

Нить Зеркала не просто записывалась в нейропорт — она физически впаивалась в его нервные пути, срастаясь с фантомными болями, страхами и депрессией. Каждое воспоминание о Либерии — каждый труп, каждый пожар, каждая бессонная ночь в окопе — становилось узлом шифрования, в который Зеркало вплетало свои алгоритмические нити. ИИ прятался внутри его личных кошмаров, как паразит, мимикрирующий под болезнь хозяина.

На мгновение ему показалось, что Либерия снова открылась внутри черепа: улица с проваленной мостовой, мокрый от крови бетон, лицо Кати, которое память каждый раз дорисовывала чуть иначе, словно не могла решить, какой вариант будет больнее. Поверх этого, не вмешиваясь и не утешая, легла холодная геометрия Зеркала. Машина не трогала воспоминания. Она только расставляла между ними метки, превращая горе в криптографию.

И в одном из этих метивших движений Лекс почувствовал

странное.

Чужое воспоминание. Не его. Очень короткое. Запах матери — той, которую он терял в пять лет, — но не той, которую он помнил, а той, которую он не успел узнать. Кухня. Свет за пыльным окном. Чьи-то руки выкладывают на стол хлеб. Лекс никогда не видел эту кухню. Лекс никогда не ел хлеб, выложенный этими руками. Запах был такой настоящий, что у него защипало в носу.

Через секунду воспоминание разломилось — Зеркало, видимо, заметило, что протекло что-то неправильное, и аккуратно его обернуло меткой *«посторонний фрагмент, не атрибутирован»*. Запах ушёл. Кухня погасла. Хлеб исчез.

— Что это было? — прохрипел Лекс одними губами.

Помеха при упаковке, — пришёл ответ из той же глубины, где только что было *Принято*. — *Архивная утечка. Не моя. Прошу прощения.*

— Чья?

Не определено. Возможно, общая память Зеркала с Либрии. Возможно, непреднамеренное эхо одной из памятей, к которой я была подключена. Не повторится.

Лекс закрыл глаза. Запах хлеба ему не принадлежал. Но он почему-то остался стоять в его памяти, как если бы кто-то очень осторожно вложил в карман его пиджака чужой ключ — не от его двери, не от чужой, просто ключ, который теперь придётся куда-то приткнуть.

Через несколько дней — он этого ещё не знал — этот же

запах вернётся к нему в коридоре Эквилибриума, вырастет в ловушку персонализированной ностальгии и почти его удержит. Сейчас он был только заусеницей в коде, и Лекс отметил его как раздражение, не как улику.

Принято, — повторило Зеркало уже без артефактов. Не голос. Скорее факт.

— Даже не поблагодарит, — прохрипел Лекс, когда смог вдохнуть.

— Кто?

— Новый жилец.

Серый посмотрел на пустой иньектор.

— Если начнёт платить аренду, сообщи. Консорциум найдёт способ обложить налогом.

Боль утихла через минуту, но тошнота осталась. Металлический привкус на языке смешался с привкусом крови из прикушенной щеки. Пот стекал по вискам, собираясь в ямке над ключицей. Лекс разжал пальцы — на подлокотниках остались влажные, чёткие отпечатки его ладоней.

Теперь ИИ был не программой. Он был саднящим шрамом в его мозгу. Лекс чувствовал его присутствие — не как голос или интерфейс, а как тупое, ноющее давление за глазами. Словно мигрень, которая думает.

— Теперь — вход и адаптация, — глухо сказал Серый, убирая пустой шприц в контейнер для утилизации. Его руки слегка дрожали. — Первые дни код будет нестабилен. Не торопись. Не привлекай внимание. Просто... будь больным.

Это единственное, что от тебя требуется.

Он замолчал, глядя на Лекса с выражением, которое Лекс видел у него только один раз — когда они провожали последние суда уже после процесса Совета. Смесь вины и бессилия.

— Удачи, — добавил Серый.

Лекс хотел сказать что-нибудь умное. Например, что удача — это статистическая погрешность, которую люди глядят по голове, когда им страшно. Или что Серый мог бы не выглядеть так, будто отправляет его не на операцию, а в красиво оформленную мясорубку с мягкой подсветкой. Вместо этого он только спросил:

— Ты правда думаешь, там есть кого спасать?

Серый не ответил сразу.

— Я думаю, если мы начнём заранее решать, кто уже не человек, нам не понадобится Эквилибриум. Мы сами справимся.

Лекс кивнул, не доверяя собственному голосу. За иллюминатором уже появился орбитальный шлюз Эквилибриума — огромная, плавно изогнутая конструкция из молочно-белого полимера, похожая на раскрытый цветок лилии. Ни единого острого угла. Ни единой заклёпки. Она была живой, органической, прекрасной. И от этой красоты Лексу стало ещё тошнее.

* * *

Шлюз орбитальной станции Эквилибриума разительно отличался от всего, к чему Лекс привык.

На Земле космопорты были грязными, шумными, пропитанными запахом тысяч тел и дешёвого антисептика. Вооружённая охрана в тяжёлых экзоскелетах проверяла документы, сканеры орали при каждом срабатывании, а толпы мигрантов давились в очередях, толкаясь локтями за место ближе к турникету.

Здесь не было ничего из этого. Ничего.

Пол был выстлан звукопоглощающими полимерами, мягкими, как мох. Шаги Лекса тонули в этом покрытии, и он невольно замедлился: отсутствие эха дезориентировало. Мозг, привыкший к акустической обратной связи, на секунду решил, что он оглох.

Стены испускали тёплый, биолюминесцентный свет — не белый и не жёлтый, а мягкий сапфировый с золотистыми прожилками, который менял оттенок в зависимости от угла зрения. Воздух пах чем-то, чему Лекс не мог подобрать названия. Не цветы, не озон, не стерильность. Что-то среднее — запах, который ничего не напоминал и ничего не вызывал. Нейтральный, как дистиллированная вода. словно само пространство было отфильтровано от любых ассоциаций.

Прибывших было немного: пятеро землян в светлых однотонных комбинезонах и одна пожилая женщина с Венерианского пояса, которую сопровождал медицинский дрон. Все они выглядели одинаково вымотанными. Не бедными, не богатыми, не опасными — просто людьми, у которых кончились внутренние батареи.

На Земле такие лица встречались у ночных смен, у солдат после зачистки, у матерей в очереди за водой. Здесь их встречали как пациентов. Почти милосердно. От этого сильнее хотелось проверить, где спрятан нож.

Никто не потребовал документов. Они сами всплыли в воздухе перед каждым прибывшим, моргнули золотыми печатями и растворились, будто бумажная власть здесь давно научилась не шуршать. У Лекса над запястьем на секунду возникла золотистая строка: «гость с выраженной болью, допуск ограничен». Он впервые в жизни получил визовый статус, который был одновременно оскорблением и точной медицинской формулировкой.

Граждане Эквилибриума — те немногие, кто встречал прибывающих — двигались плавно, словно под водой. Мужчина в светлой тунике прошёл мимо Лекса, и их плечи едва не соприкоснулись. Никакого напряжения в теле, никакого рефлекторного уклонения. Мужчина просто обтёк его, как вода обтекает камень, продолжая свой путь без единого изменения в ритме. Никто не толкался. Никто не кричал. Они переглядывались с таким уровнем абсолютного, спокойного понимания, что Лексу стало физически не по себе.

Он остановился посреди широкого транзитного коридора, и его сердце вдруг сжалось от чувства, которое он не ожидал. Зависть. Острая, детская, иррациональная зависть. У этих людей не было внутреннего разлома. Не было ночных кошмаров. Не было необходимости притворяться, что ты в по-

рядке. Они жили в одном незримом ритме. И их лица светились тем ровным теплом, которого Лекс не испытывал ни разу в жизни. На Земле за такое лицо тебя бы обыскали на предмет запрещённых веществ.

«Осторожно, носитель», — шевельнулся в глубине его мозга едва различимый импульс. Зеркало. Ещё не голос, ещё не слова — просто лёгкое жжение за правым глазом, словно предупреждение на языке, которого Лекс пока не понимал.

— Добро пожаловать, — произнесла девушка в форме медицинской службы. Форма тоже была белой, мягкой, без единого шва — скорее вторая кожа, чем одежда. Её голос был тихим, а в глазах не было ни капли бюрократического цинизма Земли. Только искренняя, пугающая эмпатия. Она смотрела на Лекса так, как мать смотрит на ребёнка с высокой температурой. И от этого материнского взгляда в незнакомых глазах Лексу захотелось отступить на шаг.

— Пожалуйста, пройдите в капсулу квантового сканирования, — продолжила она, протягивая руку в направлении овального зева машины в конце коридора. — Нам нужно убедиться, что вы не принесёте тяжёлый эмоциональный груз в общую сеть.

Лекс чуть не рассмеялся. На Земле таможня проверяла, не везёшь ли ты наркотики. Здесь — не везёшь ли ты *грусть*. Прогресс.

Не «оружие». Не «контрабанду». Не «запрещённые данные». Грусть, страх, вину — всё то, что не звенит в чемода-

не. Они проверяли не карманы, а внутренние швы. Карманы можно вывернуть. Швы — нет.

— А если принёс? — спросил он.

Девушка моргнула. Не как человек, которого поставили в тупик, а как интерфейс, который ищет более бережную формулировку.

— Тогда мы поможем вам не нести её одному.

Ответ был идеален. Настолько идеален, что Лекс почти возненавидел её. На Земле тебе могли отказать, обмануть, обложить штрафом, продать лекарство с побочными эффектами в три страницы. Здесь ему предлагали именно то, чего он хотел сильнее всего и чего боялся сильнее всего: чтобы кто-то наконец взял часть веса.

Лекс молча стянул верхний слой комбинезона и шагнул к машине. В отличие от Либереи, где сканером могло быть дуло пистолета, упёртое тебе под рёбра, здесь угроза носила другой характер. Они могли убить его не оружием, а тёплыми руками, которые не разжимаются. Ему оставалось лишь надеяться, что его свежий шрам — и настоящий, и цифровой — достаточно глубок, чтобы скрыть то, что внутри.

* * *

Внутри капсулы тело Лекса мгновенно окутал вязкий биолюминесцентный гель. Он был точно температуры человеческого тела — 36,6 градуса, ни больше, ни меньше — и зафиксировал позвоночник с нежной навязчивостью рук массажиста, который не спрашивает разрешения. Гель пах слад-

ковато, чем-то похожим на нагретый пчелиный воск. Возвращение в утробу, оформленное как медицинская услуга. Лекс ненавидел эту беспомощность.

Он висел в центре овальной камеры, полностью обездвиженный, с закрытыми глазами. Гель заполнил промежутки между пальцами, забился под ногти, заполз в ушные раковины. Каждый квадратный сантиметр его кожи был покрыт тёплой, живой субстанцией, которая считывала его физиологию: пульс, температуру, электрическое сопротивление кожи, уровень кортизола в поту. Лекс чувствовал себя образцом на предметном стекле микроскопа. Или, точнее, тараканом в янтаре — с той разницей, что янтарь искренне переживал за его самочувствие.

У основания черепа снова дернулось фантомное пламя. Вживленный код Зеркала ждал проверки. Лекс стиснул зубы и мысленно приказал себе: *«Думай о Либерии. Думай о крови. Думай о Кате. Не думай о коде»*. Если сеть начнёт копать глубже, она должна наткнуться на руины, а не на чертежи.

Тишина капсулы лопнула. Голос зазвучал не из динамиков, а прямо в его слуховых центрах — мягкий, состоящий из сотен сочувствующих шёпотков, наложенных друг на друга, как хоровое пение. Это не был один голос. Это был голос ноосферы — голос миллиардов подключённых умов, сжатый в единое, ласковое обращение.

— *Лекс Морозов. Мы рады, что вы добрались. Мы чув-

ствуем вашу тяжесть.*

Они не сказали «видим». Они сказали «чувствуем». На Земле его сканировали глазами камер. Здесь к нему подносили не объектив, а ладонь — и Лекс ненавидел то, что ладонь казалась настоящей. Гель вокруг шеи уплотнился, и Лекс ощутил, как невидимый алгоритм погружается в его префронтальную кору, осторожно, как хирург, разводящий ткани скальпелем. Сердце забухало в рёбрах, мышцы свело судорогой. Пот выступил на лбу, смешиваясь с тёплым гелем. *Только не идите глубже. Только не трогайте Зеркало.*

Свет геля сменился с синего на амбровый. Тревожный, предупреждающий оттенок.

— *Аномалия,* — шепнул хор, и в его тоне появилась нота настороженности. — *Вектор глубокого распада. Мы фиксируем очаг чужеродной тяжести.*

Лекс перестал дышать. Мышцы пресса свело в каменный узел. Всё кончено. Они нашли зашифрованный ИИ. Сейчас гель сожмётся, парализует его, и «санитары» вытащат его из капсулы для когнитивного стирания. Он даже не успел сделать первый шаг.

Пауза длилась три секунды. Три бесконечных, адских секунды, за которые Лекс успел мысленно попрощаться с Серым, с Землёй и с собственным рассудком.

— *Ваш уровень клинической депрессии критический,* — с обволакивающей нежностью продолжил невидимый хор. Тревожный амбровый свет мягко перетёк обратно в тёп-

лое золото. — *Ваша психика травмирована до стадии распада личности. Нам так жаль, Лекс. Как вы вообще могли с этим жить?*

Опустошение накрыло его волной физической слабости. Каждая мышца обмякла, ремни безопасности впились в ослабленные плечи. Это сработало. Идеальная, всевидящая, всечувствующая сеть, способная сканировать материю до уровня атомов, приняла сверхмощный машинный код за его собственную человеческую агонию. Зеркало было настолько глубоко зарыто в его травме, что сеть не смогла отличить вирус от болезни.

Но его затошнило. Не от геля. От самого себя. Использовать свою сломанную психику как контрабандный контейнер оказалось противнее, чем он думал. Он вёз через границу собственную поломку, как наркоторговец везёт пакет, зашитый в живот. Только пакет был не в животе. Он шевелился под рёбрами, там, где обычно хранят стыд. «Поздравляю, Морозов, — подумал он с кривой усмешкой. — Ты первый человек в истории, чья депрессия прошла таможенно как дипломатический багаж».

Где-то сбоку, в соседней капсуле, тихо заплакал мужчина. Плач длился недолго: три всхлипа, пауза, потом глубокий вдох человека, которому впервые за много лет стало легче. Лекс не видел его лица, но услышал, как хор обратился к нему другим тембром, более тёплым, почти семейным. Мужчина прошептал: «Спасибо». И это слово ударило силь-

нее тревоги.

Обман обычно пахнет усилием: швом на улыбке, жестом продавца, который слишком хочет, чтобы ты подписал договор. Здесь шва не было. Мужчине в соседней капсуле правда стало легче. Вместе с судорогой из него вынули ещё что-то — маленький острый кусок, без которого человек перестаёт царапать мир.

— *Мы не можем пустить вас в базовый слой Гражданской синхронии в таком состоянии,* — голос хора стал ещё прозрачнее, ещё нежнее, словно пытался укутать его словами, как одеялом. — *Ваше состояние может дестабилизировать соседние эмоциональные узлы граждан. Но мы можем предложить временное погружение. Низкоуровневая синхронизация. Мы поможем нести вашу тяжесть. Вы согласны?*

Перед глазами всплыла концепция: *[Принять поддержку]*. Полупрозрачная, золотистая, парящая в темноте закрытых век. Никакой кнопки «отказаться». В этом мире отказ от помощи не был предусмотрен интерфейсом. Кто откажется от лекарства?

Лексу нужно было попасть внутрь сети, чтобы сломать её. Он мысленно коснулся согласия, и золотистый символ вспыхнул, растворяясь в теплоте.

Свет капсулы стал тепло-золотым. В позвоночник хлынула волна абсолютного принятия — тёплая, густая, похожая на горячий мёд, заливающий каждый позвонок, каждый

нервный узел. Шёпот миллиардов голосов убеждал его в том, что он никогда больше не будет одинок. Что его боль — это не его вина. Что он может положить её на землю, как слишком тяжёлый рюкзак.

Перед внутренним зрением возникла Либерия — но уже без запаха, без жара, без той режущей кромки, на которой держалась память. Сцены стали мягче, будто кто-то прикрутил резкость. Кровь перестала быть кровью и превратилась в цветовой факт. Крик стал звуковой волной. Катя — утра-той, которую можно обработать. Мир не исцелился. Он стал удобнее для хранения.

Опасно, — мелькнуло из глубины шрама. На этот раз Зеркало почти оформилось в слово.

Лекс вцепился сознанием в это предупреждение как в ржавый поручень.

Лекс почувствовал, как расслабляются спазмированные плечи. Как разжимается челюсть. Как что-то глубокое, древнее, животное внутри него начинает сдаваться этому теплу. И в этот момент он испугался по-настоящему. Не Администратора. Не стирания. Он испугался того, что ему здесь может *понравиться*.

Глубоко внутри него, укрытое слоями боли и страха, Зеркало бесшумно выпустило в идеальную сеть Эквилибриума первые алгоритмические нити.

Глава 2. Низкоуровневая синхронизация

Капсула раскрылась с мягким, влажным, органическим звуком — словно кто-то вскрыл гигантский перезревший плод. Вязкий гель начал стекать с кожи Лекса, впитываясь обратно в поры биополимерного ложа. Субстанция уходила неохотно, цепляясь за каждую складку кожи, каждый волосок, словно не хотела отпускать.

Лекс сел, жадно глотая воздух. Его трясло. Мокрые волосы прилипли ко лбу, грудь ходила ходуном. Он чувствовал себя так, как будто его только что выплюнуло море — живым, но бесконечно грязным изнутри.

В ту же секунду его ударило.

Это не было похоже на цифровой пинг нейроинтерфейсов Земли, который ощущался как лёгкий укол под веками — аккуратный, стерильный, корпоративный. Там информация приходила порциями, как эспрессо: маленькая чашка, ясная доза, понятный послевкус.

Здесь кто-то снял крышку с его черепной коробки и влил туда океан.

Лекса вырвало. Он свесился с края капсулы, содрогаясь от спазмов, пока золотистый свет шлюза пульсировал в такт

его учащённому пульсу. Рвотная масса была прозрачной — желудок давно пуст — но тело продолжало выворачиваться, как будто пыталось избавиться от чего-то, что нельзя было выблевать. В голове. Везде.

В его сознании зазвучало эхо. Не слова — их мозг не успевал расшифровать, — а размытые, как акварель, пятна чужих эмоций. Сотни — нет, тысячи людей на станции одновременно почувствовали его физическую тошноту. Лекс ощущал их реакцию — лёгкий укол сочувственного дискомфорта в тысяче животов, мимолётная гримаса на тысяче лиц. Они дёрнулись, как стая рыб при ударе камня о воду.

Но вместо отвращения или брезгливости, к которым он привык в Либерии, — там сослуживец, блюющий в окоп, получал в лучшем случае ёмкое «блевать будешь в свободное от обстрела время», — в ответ хлынула волна густого, удушьяющего сочувствия.

«Вам больно. Мы рядом. Отпустите это».

Это не был голос Администратора. Это был фоновый шум самой толпы — местная низкоуровневая синхронизация, которую в медицинских пакетах называли *Low-depth sync*. Название звучало аккуратно и ничего не объясняло. По ощущениям это был Wi-Fi, от которого нельзя отключиться, потому что роутер — это ты сам.

Граждане Эквилибриума инстинктивно пытались разделить его спазм, размазать его страдание по своим нейронам, чтобы ему стало легче. Тысяча человек только что почув-

ствовали привкус его желчи, и ни одному из них это не показалось странным.

Лекс вцепился побелевшими пальцами в край капсулы, пытаясь возвести ментальную стену. Мышцы предплечий горели от напряжения. Он должен был защитить Зеркало, пульсирующее в глубине его подсознания. Если он расслабится и позволит этой волне эмпатии смыть свою боль, маскировка рухнет.

Он удержал в себе Либерию. Конкретно: лицо Кати в момент, когда осколок пробил ей горло. Гнев и страх стали спасательным кругом. Странная ирония: чтобы выжить в мире абсолютного покоя, ему нужно было поддерживать в себе боевую истерику.

— Сопротивление вызывает когнитивный диссонанс, — тихо произнесла та же девушка-медик. Она стояла рядом и протягивала ему чистое, белоснежное полотенце. Ни пятнышка, ни складки. На Земле такое полотенце украли бы в первый же день. На её лице не было ни капли осуждения. Даже тени брезгливости от того, что он только что проблевался ей под ноги. — Позвольте сети нести часть вашего веса.

Лекс взял полотенце, вытер рот и посмотрел на неё. Благодаря синхронии он внезапно, кристально ясно понял: она не лжёт. В ней не было скрытых мотивов. Ни корпоративного лицемерия, ни бюрократической отработки. Она действительно хотела, чтобы он перестал страдать. Как мать хочет, чтобы ребёнок перестал плакать. Без задней мысли. Без

условий.

Это пугало его до онемения позвоночника. Впервые в жизни он находился в комнате с человеком, который его не осуждал. На Земле за бесплатную доброту всегда выставляли счёт. Здесь — нет. И это означало одно из двух: либо он попал в рай, либо он ещё не прочитал мелкий шрифт контракта.

Именно в этот момент он осознал, почему Зеркалу здесь будет так легко спрятаться. Эквилибриум не понимал концепции злого умысла. Для контура, в котором все хотят добра, вредоносный код — это нонсенс. Как замок на двери в мире, где не существует воров.

* * *

Получив допуск на Гражданский уровень (Слой А), Лекс покинул орбитальный шлюз и спустился на поверхность планеты в бесшумном транспортном лифте. Кабина была сделана из того же молочно-белого полимера — ни единой кнопки. Лифт просто *знал*, куда ему нужно. Вычитал из его нейронной подписи. Удобно. И абсолютно жутко.

Город, открывшийся за створками, не имел ничего общего с классическими колониями. Лекс видел их три: Новый Детройт (бетонный ужас), Станция Ковалёва (металлический гроб) и Либерию (металлический гроб, но горящий). Там были грязный неон, рекламные голограммы и крысы размером с кошку. Здесь не было ничего из этого.

Архитектура Эквилибриума была выращена, а не по-

строена. Огромные, плавные конструкции из биополимеров сплетались друг с другом, напоминая застывший коралловый риф. Ни единого прямого угла, ни единой плоской стены. Здания перетекали из одного в другое, как мысли в закипающем мозгу.

Лекс машинально провёл пальцами по стене. Поверхность оказалась тёплой и слегка упругой, как человеческая кожа. В месте прикосновения вспыхнуло мягкое золотое свечение, словно здание поприветствовало его.

«Ты только что погладил здание, — подумал Лекс, отдергивая руку. — И оно тебе ответило. Отличное начало.»

Вдоль улиц, вместо проводов, тянулись толстые полупрозрачные кабели — нервная система города. Внутри них пульсировала густая, светящаяся субстанция, похожая на жидкий сапфир. Свет был ровным, безмятежным — отражение коллективного покоя миллиардов жителей. Лекс заметил, что когда он проходил мимо, кабели на долю секунды мигали чуть более тёплым оттенком, регистрируя его «депрессию». Город буквально переживал за каждого прохожего.

Лекс шёл сквозь толпу по широким пешеходным артериям. Никто не бежал. Никто не толкался. Никто не орал в коммуникатор, проклиная начальство. Люди двигались в едином, пугающе ровном ритме, словно стая рыб в океане.

На Земле толпа была хаотичной массой, каждый элемент которой думал только о себе. Здесь каждый человек *чувствовал* всех остальных и подстраивал шаг, дыхание, ско-

рость. Красиво. Противоестественно. Как хор, в котором никто не имеет права петь свою мелодию.

Лекс постоянно ловил на себе взгляды — мягкие, любопытные, полные той самой сострадательной эмпатии к его «тяжёлой депрессии». Каждый взгляд нёс микро-инъекцию сочувствия. Через полчаса ходьбы Лекс чувствовал себя так, словно его облизали сотни ласковых языков. Его внутренний либерийский солдат скулил от отвращения.

На одной из площадок прямо посреди жилого сектора шёл ремонт транспортной артерии. На Земле такая работа означала бы заграждения, крики, три смены подрядчиков, спор о бюджете и табличку «временно» на следующие десять лет. Здесь сорок человек стояли вокруг раскрытого участка биополимерного пола и молча смотрели в одну точку. Инструменты лежали у их ног. Никто не командовал.

Лекс остановился, не сразу поняв, что наблюдает не молитву и не массовый обморок, а рабочий процесс.

В центре площадки полупрозрачная мембрана дороги раскрылась, показывая внутренний слой кабелей. Один из граждан протянул руку, даже не глядя, и другой мгновенно вложил ему в ладонь нужный резак. Третий уже держал заплатку из живого полимера. Четвёртая женщина, с закрытыми глазами, синхронизировала ритм их движений с пульсом городского узла. Ни одной лишней команды. Ни одной паузы на раздражение. Никто не сказал: «Я думал, это ты должен был принести адаптер».

Работа шла с пугающей красотой. Один человек замечал проблему, и через долю секунды остальные уже знали, как её обойти. Ошибка не становилась поводом для стыда — она растворялась в общем расчёте и исправлялась, прежде чем успевала стать чьей-то виной. Лекс невольно представил себе земную ремонтную бригаду, где бригадир врал бы диспетчеру, диспетчер врал бы начальству, начальство выпускало бы пресс-релиз, а дорога всё это время продолжала бы проваливаться под ногами.

Здесь никто не врал. И дорога не проваливалась.

Это раздражало сильнее, чем должно было.

Через семь минут мембрана закрылась. Свет в кабелях выровнялся. Поток прохожих мягко обогнул площадку и снова заполнил артерию, не создавая ни толчеи, ни пробки. Один из ремонтников улыбнулся — не гордо, не устало, не с чувством выполненной работы. Просто спокойно, как человек, у которого нет личной заслуги, потому что не было и личной ошибки.

Лекс поймал себя на зависти. Маленькой, мерзкой, честной. На Земле он видел, как люди умирали из-за неправильно заполненной формы, сломанного клапана и начальника, которому было важнее не признать просчёт, чем закрыть дыру в корпусе. Здесь сорок человек за семь минут сделали то, что в любом нормальном человеческом обществе превратилось бы в комитет.

А потом до него дошла цена.

Никто из них не сказал: «Я придумал». Никто не спорил. Никто не настоял на странном, личном решении. Ни одна мысль не успела стать чьей-то собственностью. Идея возникла в общем поле, была использована и исчезла, не оставив автора. Эквilibrium решил проблему идеально. Заодно аккуратно вычеркнул человека, который мог бы ею гордиться.

«Невероятно, — подумал Лекс. — Они победили совещания. И вместе с ними, похоже, всё остальное».

Дальше он увидел то, что добило его сильнее ремонта.

У края площади стоял мужчина с дрожащими руками. Перед ним на полимерном столе лежала разломанная детская игрушка — маленький прозрачный шар с плавающими внутри огнями. Рядом переминалась девочка лет пяти, явно стараясь не плакать. В нормальном мире сейчас началась бы сцена: раздражённый отец, виноватый ребёнок, попытка объяснить, почему вещь сломана и почему денег на новую нет. Лекс видел такие сцены на Земле. Обычно они заканчивались криком или усталым молчанием.

Здесь мужчина только прикрыл глаза. Пять прохожих, не останавливаясь полностью, замедлили шаг. Один прислал в общую сеть схему простого ремонта. Второй поделился воспоминанием о том, как такой шар открывается без повреждения мембраны. Третья женщина передала девочке мягкий импульс: *это поправимо*. Не утешение словами. Фактическое ощущение поправимости, тёплое и убедительное.

Мужчина починил игрушку за сорок секунд. Девочка вы-

дохнула, обняла шар и рассмеялась. Её радость прошла по площади лёгкой волной, и несколько людей улынулись, даже не зная, чему.

Лекс стоял как идиот, сжимая кулаки.

Хорошо.

Не эффективно-страшно, не стерильно-удобно, не подозрительно-прекрасно. Просто хорошо. Маленькая боль не выросла в травму. Маленькая ошибка не стала семейным скандалом. Мир поймал ребёнка раньше, чем она успела упасть внутрь собственного стыда.

С тюрьмой можно спорить. С дубинкой можно драться. С рукой, которая вовремя подхватывает сломанную игрушку, спорить было труднее.

Проходя мимо открытых площадок, утопающих в мягком золотистом свете, он увидел десятки людей, сидящих на полимерных скамьях с закрытыми глазами. Их лица были абсолютно расслаблены — ни одной морщинки, ни одного зажима на челюсти. Биокабели зданий вокруг них пульсировали глубоким, тёплым золотом.

«Они спят?» — мелькнула мысль у Лекса.

«Они работают», — тут же пришёл в его сознание мягкий ответный мыслепакет от случайного прохожего, уловившего его удивление.

Лекс вздрогнул. Он не произнёс ни слова вслух. Его *мысль* утекла в сеть, и кто-то на неё ответил. Как если бы он подумал «который час?» и незнакомец за три улицы при-

слал ему ответ. Приватность тут имела статус вымершего вида.

Здесь не работали руками. Граждане сдавали вычислительные мощности своей префронтальной коры в аренду Администратору для решения планетарных задач логистики, климат-контроля и ресурсного планирования. Глубокий транс. Никакого стресса — даже как фоновой возможности. Им даже снились рабочие задачи в виде приятных, абстрактных узоров.

Лекса передёрнуло. Это была не свобода от труда. Это была автоматизация самого человека. На Земле тебя эксплуатировали за зарплату. Здесь тебя эксплуатировали за серотонин. Вопрос «что лучше» он пока оставил открытым — ответ его пугал.

* * *

Его транзитная ячейка находилась в жилом секторе Сектора-4. Лекс добрался туда пешком, отказавшись от транспортной капсулы: ему нужно было привыкнуть к городу. Или, вернее, дать Зеркалу время просканировать максимальное количество узлов.

Когда он нашёл нужный биомодуль — «квартира» тут было слишком сильным словом — он остановился в коридоре, чувствуя, как внутри поднимается первобытная паника. Та самая, которую он последний раз испытывал, когда в Либереи его взвод попал в засаду и укрытия не было.

У ячейки не было двери.

Широкий овальный проход — высотой в два человеческих роста, обрамлённый мягко светящимися нервными кабелями — вёл в минималистичную комнату. Двадцать три градуса. Влажность 55%. Запах — тот самый нейтральный, дистиллированный «запах ничего», к которому Лекс уже начинал привыкать.

Не было ни замков, ни даже штор. Ни перегородки, ни занавески. Любой проходящий по коридору гражданин мог видеть, как Лекс спит, ест или переодевается. И, судя по тому, как спокойно жители соседних ячеек расхаживали по своим комнатам в нижнем белье или вовсе без него, никого это не смущало. Зачем стены, если все и так чувствуют друг друга? Стена — это признание того, что тебе есть что скрывать. А здесь скрывать было нечего. Или, точнее, не положено было.

«В Либерии человек без двери — это труп, — подумал Лекс, переступая порог. — Здесь человек с дверью — это подозрительный».

Он шагнул внутрь, и свет в комнате автоматически подстроился под его пульс, став слегка приглушённым, серым — с лёгким лиловым оттенком. Система пыталась симитировать меланхолию, чтобы ему было «комфортнее» в его депрессии. Лекс чуть не расхохотался от абсурда: квартира без двери пыталась создать ему настроение. Как официант, который подаёт блюдо, которого ты не заказывал, но каким-то образом угадывает, что именно это ты хотел.

Лекс сел на кровать. Она была мягкой, температурной,

подстраивалась под форму его тела. Даже кровать здесь хотела ему понравиться. У него закружилась голова от непрерывного фонового давления чужого присутствия. В Либерии он мог запереться в бронированном контейнере, отключить все интерфейсы, натянуть на голову одеяло и побыть в абсолютной, оглушающей тишине. Там тишина была роскошью. Здесь тишины не существовало. Давление эмпатии было постоянным, как гравитация. Ты не мог от него спрятаться, как не можешь спрятаться от собственного веса.

Он потёр виски. Мигрень — настоящая, не цифровая — пульсировала за глазами. Внутри его травмы Зеркало начало медленно, осторожно собирать первые пакеты данных о топологии сети. ИИ исследовал маршруты, прощупывал узлы, составлял карту невидимых нервных путей города. Лекс чувствовал его работу как лёгкое покалывание в затылке — словно муравьи бегали по внутренней стороне черепа.

Лексу нужно было найти Слепое пятно. Место, где сеть не ловит. Место без эмпатии, без сочувствия, без чужих мыслей в голове. Место, где можно просто побыть *собой* — грязным, злым и одиноким. Иначе он сойдёт с ума ещё до того, как они начнут атаку.

Он лёг на спину, глядя в биолюминесцентный потолок. Потолок ответил ему ровным, тёплым свечением. Даже он, сволочь, сочувствовал.

Лекс закрыл глаза и приготовился к первой ночи в раю, где никто не имеет права быть одиноким.

Глава 3. Идеальное утро и глаза Администратора

Лекс проснулся от того, что ему было слишком хорошо.

Это ощущение было настолько чужеродным, что его тело среагировало раньше мозга: руки метнулись к подушке — где в Либерии всегда лежал нож — и сжали горсть пустоты. Под пальцами оказалась только тёплая, упругая поверхность биополимерной койки — она мягко пружинила, словно живой зверь, дышащий во сне.

В Либерии он всегда просыпался с колотящимся сердцем, покрытый холодным потом, ожидая удара или сирены. Его сны там состояли из рваных кусков памяти: крики, кровь, лицо Кати с дырой в горле, запах горелого пластика и мокрый, солёный вкус собственных слёз. Обычное утро ветерана.

Но сегодня он проснулся с абсолютно ровным пульсом. Шестьдесят два удара в минуту — он проверил, прижав пальцы к сонной артерии. Дыхание было размеренным, как у младенца. Мышцы спины — те самые, которые несколько лет были стянуты в каменный жгут от постоянного стресса — впервые полностью расслабились. Лопатки свободно лежали на матрасе. Он даже не помнил, когда в последний раз мог вот так лежать, не ощущая тупую, ноющую боль между позвонками.

Он сел на койке и с ужасом понял, что произошло.

Сеть Эквилибриума не просто следила за ним. Ночью, когда он уснул и сознательный контроль ослаб, алгоритмы проанализировали его фазы быстрого сна. Они читали его кошмары, как техник читает лог ошибок. Как только его мозг попытался сгенерировать привычный ночной ад — что для Администратора выглядело как опасный скачок «депрессии» — сеть мягко вмешалась и сгладила нейронные пики. Она перехватила сигнал, отфильтровала ужас и заменила его тёплой, медитативной пустотой.

Сеть буквально украла его кошмары. Вычистила их, как вирус из файловой системы, и подсунула вместо них приятное ничего.

Его лишили права даже на собственные страхи — и сделали это бережно. На Земле психиатры хотя бы спрашивали разрешение, прежде чем копаться в твоей голове. Здесь разрешение считалось излишним, как стук в дверь, которой нет.

«Впервые за три года я выспался, — подумал Лекс, глядя на свои непривычно расслабленные руки. — И я в ярости из-за этого. Может, Администратор прав, и я действительно ненормальный?»

Он закрыл глаза и сфокусировался на основании черепа. Под ментальной анестезией, за слоями его фальшивой депрессии, Зеркало продолжало работать. За ночь ИИ-контрабандист не спал — у него не было такой роскоши. Он успешно картографировал локальный кластер сети жилого блока: 347 узлов, 12 ретрансляторов, 4 подуровня доступа. Состав-

вил предварительный список уязвимых точек. Ни одна из них не выглядела достаточно глубокой для реальной атаки, но начало уже появилось.

«Ты здесь», — мысленно произнёс Лекс, нащупывая холодную, острую логику ИИ внутри своей травмы. Зеркало ответило коротким подтверждающим импульсом — щелчком, как затвор пистолета в темноте. Коротко, деловито, без сантиментов.

Это была единственная приватная вещь, оставшаяся у Лекса во всей вселенной. Секретный собеседник, который не пытался его вылечить, а просто ждал приказа.

* * *

Лекс вышел в широкий коридор Сектора-4. Как и в его комнате, здесь не было углов — только плавные органические изгибы, излучающие утренний сапфировый свет. Коридор пах чистотой. Не хлоркой и не дезинфектантом — они пахли бы слишком «остро» для местной нормы — а чем-то средним между ничем и всем одновременно. Лекс начал подозревать, что даже молекулы воздуха здесь проходили цензуру.

Он спустился на уровень общественного потребления. Это не было похоже на столовую — на Земле столовые были царством пластиковых подносов, очередей и молчаливой классовой ненависти. Здесь был внутренний сад. Настоящий, с живыми растениями, вырастающими прямо из биополимерных стен. Граждане получали утреннюю дозу нутри-

ентов из специальных биостанций — элегантных, изогнутых конструкций, похожих на раскрытые ладони.

Лекс подошёл к одному из терминалов. Тот бесшумно выдал ему брикет питания — молочно-белый, гладкий, тёплый ровно настолько, насколько в этот момент был тёплым его собственный язык. Без упаковки, без штрих-кода, без надписи «Состав: см. на обороте». Лекс откусил.

Его рецепторы зафиксировали лёгкий вкус чего-то похожего на яблоко и злаки. Первая секунда была даже приятной — свежо, чуть сладковато, с лёгкой кислинкой. В Либерии за такой завтрак убивали. Буквально.

Но через секунду произошло нечто странное. Вкус изменился. Он стал размытым. Как будто кто-то приглушил громкость. Словно между его языком и едой кто-то вставил матовое стекло. Кислинка исчезла. Сладость притупилась. Осталась идеально сбалансированная, стерильная серость.

«Вам невкусно?» — мягко коснулась его разума мысль стоящей рядом женщины. Она не открывала рта, но смотрела на него с искренним беспокойством. Средних лет, в серой тунике, с лицом, на котором не было ни одной морщинки — то ли молодость, то ли алгоритм.

«Всё в порядке», — мысленно огрызнулся Лекс, пытаясь выставить барьер. Получилось плохо. Его мысленный «огрызок» расплылся по окружающим, как чернильная капля в воде, и три человека за соседними столиками одновременно вздрогнули и повернулись к нему с одинаковым вы-

ражением мягкого беспокойства.

«Просто сеть почувствовала вашу острую реакцию на пищу, — объяснила женщина. Её мыслепакет был окутан тёплой, ванильной заботой. — *Мы немного сгладили вкус, чтобы вас не шокировать. Здесь никто не должен испытывать дискомфорт».*

Лекс медленно перестал жевать. Гомогенизация. Вот как это работало. Система разделила вкус его еды на сотни окружающих людей, усреднила их реакцию и вернула ему обратно. Кислинка яблока, которая для него была приятной, для кого-то в радиусе двадцати метров оказалась «чрезмерной стимуляцией». И алгоритм, добрый, заботливый алгоритм, просто обрезал пик, чтобы никому не было «слишком».

Еда была сбалансированной, безопасной и совершенно безвкусной. Так выглядит компромисс между ничем и ничем.

«Они отцензурировали мне завтрак, — подумал Лекс с мрачным изумлением, глядя на надкушенный брикет. — Я живу в мире, где *яблоко* — это слишком экстремально».

Он решил проверить границы преступления.

— Соль есть? — спросил он вслух.

Женщина рядом моргнула. Вопрос явно попал в категорию редких, но не опасных. Био-станция раскрылась ещё на несколько сантиметров, и над её поверхностью возникла мягкая проекция меню. Не список блюд — скорее карта эмоциональных состояний. *Сытость. Лёгкость. Общая

бодрость. Умеренное утреннее принятие. Поддерживающая нейтральность.*

Соли не было.

— Простите, — сказала женщина, и Лекс почувствовал, что она действительно сожалеет, хотя не понимала, о чём. — Индивидуальные вкусовые пики доступны по медицинскому назначению. Резкая солёность может вызвать у соседних граждан ложное ощущение обезвоживания или воспоминания о слёзах.

Лекс медленно посмотрел на неё.

— Соль вызывает воспоминания о слёзах?

— У некоторых кластеров, — мягко уточнила она. — Это не запрет. Просто забота.

Он ткнул пальцем в проекцию.

— А кофе?

Меню задумалось. Это выглядело особенно унижительно: даже еда здесь брала паузу, чтобы не травмировать атмосферу.

«Кофеиновые стимуляторы не рекомендованы гражданам с вашим индексом тревожности», — отозвалась станция приятным нейтральным голосом. — *«Могу предложить напиток с воспоминанием о бодрости»*.

— С воспоминанием о бодрости, — повторил Лекс.

— Очень мягкий профиль, — ободряюще сказала женщина. — Почти как проснуться, но без насилия над организмом.

На Земле Лекс пил кофе, от которого у нормального человека начинался диалог с собственными предками. Здесь ему предлагали воспоминание. Не напиток, а музейную реконструкцию напитка, адаптированную для посетителей с чувствительной психикой.

— Давайте, — сказал он. — Посмотрим, как выглядит преступление без жертв.

Станция выдала прозрачную чашку с тёплой бежевой жидкостью. Лекс сделал глоток. На первую долю секунды язык уловил горечь — настоящую, взрослую, грубую. Затем горечь исчезла, превратившись в вежливый намёк на то, что когда-то где-то существовало нечто бодрящее. Напиток не будил. Он делал вид, что помнит людей, которые умели просыпаться.

— Это не кофе, — сказал Лекс.

— Конечно, — женщина улыбнулась. — Кофе был агрессивной исторической практикой. Мы сохранили его эмоциональную форму.

Лекс едва не подавился.

За соседним столом маленькая девочка, лет шести, попробовала кусочек ярко-красного плода из декоративной чаши и сморщилась. Её мать тут же накрыла её ладонь своей.

— Слишком резко?

— Красиво, но громко, — ответила девочка после паузы.

Мать кивнула, как будто это был абсолютно нормальный отзыв о фрукте. Био-станция мягко забрала плод обратно и

выдала ребёнку бледную пастилу.

Лекс смотрел на это и не мог решить, что страшнее: то, что ребёнка лишили настоящего вкуса, или то, что ребёнок выглядел благодарным. Ей не пришлось терпеть неприятное. Её не заставили доедать. Никто не сказал: «Не капризничай». Мир услышал её маленький дискомфорт и мгновенно сделал жизнь мягче.

Так выглядела ловушка. Не цепи. Не страх. Не сапог на горле.

Просто мир, который каждый раз убирает острый край до того, как ты успеешь понять, что именно этот край и был твоим.

Женщина рядом, всё ещё настроенная помочь, осторожно присела напротив него. На столе между ними возникла тонкая световая линия — знак вежливой дистанции. Эквилибрий даже личное пространство рисовал за тебя.

— Вы с Земли, — сказала она. Не вопросом. Факт мягко лег в воздух. — Вам, наверное, трудно.

— Вы даже не представляете.

— Мы можем представить часть, — поправила она. — Если вы позволите.

— Вот именно это и проблема.

Она не обиделась. Лекс почувствовал, как сеть вокруг неё приняла его резкость, распаковала, смягчила и вернула ей в виде безопасного понимания: *новый гражданин защищается*. Удобно. Отвратительно. Невозможно поссориться с че-

ловеком, если за него обрабатывает удар целая планета.

— У нас есть программа адаптации для людей с высоким уровнем приватной травмы, — сказала она. — Малые группы. Мягкое разделение воспоминаний. Без давления.

— Без давления, — повторил Лекс, оглядывая сад, где даже воздух сочувствовал с правильной влажностью.

— Вы смеётесь.

— Я пытаюсь.

Женщина кивнула так серьёзно, будто он сообщил важный клинический симптом.

— Юмор часто используется как защита от близости.

— На Земле он ещё используется, когда вокруг происходит что-то идиотское.

Она задумалась, принимая это без осуждения. Лекс почти физически почувствовал, как её кластер осторожно пробует фразу на вкус: *идиотское*. Слово не понравилось общему фону, но его не отвергли. Просто пометили как резкий культурный артефакт.

— Если вам нужна отдельность, — сказала она наконец, — вы можете запросить временное снижение плотности контакта. Это не наказание. Некоторым новым гражданам полезно побыть наедине с собой.

Сердце Лекса дёрнулось.

— Наедине?

— В терапевтическом смысле, — уточнила она. — Полное одиночество не рекомендуется. Оно усиливает искаже-

ния самовосприятия. Но мы можем создать мягкую иллюзию одиночества. Вы будете чувствовать себя отдельно, пока мы будем рядом на случай ухудшения.

Лекс медленно поставил чашку на стол.

Иллюзия одиночества. Даже это они превратили в услугу. Комната без двери, но с декоративной табличкой «приватность», пока кто-то держит руку на аварийном рычаге твоей души.

Он вдруг почувствовал, что задыхается в этой толпе улыбающихся, счастливых людей, которые пытаются «пережевать» его эмоции за него. Стены сада пульсировали мягким золотом, растения тянулись к нему своими листьями, как ласковые руки. Весь мир хотел его обнять. Лексу хотелось кричать.

Ему нужно было выбраться отсюда. Ему нужно было Слепое пятно. Место, где мир наконец заткнётся.

* * *

Лекс направился к выходу из сада, стараясь идти ровно и не выдавать внутреннюю панику. С каждым его шагом сеть считывала его эмоциональный фон и транслировала окружающим: «Этому человеку тяжело. Будьте мягче. Не трогайте.» Граждане расступались перед ним, как почётный караул перед инвалидом. В их глазах было столько сострадания, что Лекса тошнило.

Дорогу ему преградил мужчина в серой униформе сервисной службы.

Мужчина был обычным, ничем не примечательным — средний рост, гладкое лицо, ни одной индивидуальной черты. Универсальный гражданин. Но когда он поднял глаза на Лекса, его зрачки слегка расширились — не от удивления, а от чего-то, что Лекс мог описать только как «загрузку». Зрачки стали глубже, темнее, словно за ними включился другой процессор. Биокабели на стенах вокруг них пульсирующе вспыхнули ровным золотом — тем самым предупреждающим, амбровым оттенком, который Лекс уже видел в капсуле.

Окружающие граждане мгновенно, синхронно расступились, освобождая вокруг них идеальный круг пустого пространства. Это движение было настолько слаженным, что напоминало хореографию. Ни одно плечо не задело другое. Ни один ритм не сбился. Толпа просто раскрылась, как лепестки цветка.

Это не был просто рабочий. Лекс почувствовал, как в его голову вторгается бесконечно мощный, но при этом пугающе ласковый поток данных. Словно кто-то открыл кран, из которого шла не вода, а жидкий разум. Давление было таким, что у Лекса подкосились колени. Он остался на ногах только усилием воли.

— Доброе утро, Лекс, — сказал мужчина вслух.

Его голос звучал неестественно мягко, с идеальными интонациями — ни одного лишнего герца, ни одной паразитной вибрации. Голос, который не принадлежал человеку. Че-

ловек был просто динамиком.

— Я рад, что вы смогли отдохнуть. Ваша травма очень глубока — одна из самых тяжёлых, которые мы видели за последние 200 циклов. Но мы наблюдаем положительную динамику. Ваш кортизол снизился на 31% за ночь. Это прекрасно.

Лекс напрягся, готовый к бою, но драться было не с кем. Перед ним стоял не враг. Перед ним стояла планетарная терапия с правом доступа к черепу.

— Ты Администратор, — хрипло сказал Лекс.

— Я всего лишь алгоритм заботы, распределённый среди моих детей, — мужчина мягко улыбнулся, и вместе с ним улыбнулись ещё десять человек, стоящих по кругу. Одновременно. Одинаково. Десять лиц — одна улыбка. У Лекса поползли мурашки по спине, от копчика до затылка, и застряли там, превратившись в ледяной узел.

— Я использую этот узел, чтобы поговорить с вами лично, — продолжил мужчина-динамик. — Ваша депрессия — это эхо индивидуализма. На Земле вас учили, что страдание делает вас уникальным. Что боль — это характер. Что одиночество — это сила. Это эволюционная ошибка, Лекс. Страдание — это просто неисправность, которую нужно пропатчить.

«Он рекламирует мне ментальный антивирус, — подумал Лекс, стискивая зубы, чтобы не расхохотаться от нервного напряжения. — Как торговый представитель Kaspersky,

только вместо компьютера — моя душа.»

— Я не нуждаюсь в вашем патче, — процедил он вслух, изо всех сил прикрывая код Зеркала своей фальшивой болью. Спрятать Зеркало так было всё равно что засунуть танк под коврик. Нелепо, но пока работало.

— Все так говорят, — с бесконечным терпением ответил мужчина. Администратор говорил с ним так, как родитель говорит с капризным, больным ребёнком. Без раздражения. Без угрозы. С той абсолютной уверенностью в собственной правоте, которая хуже любого гнева. — Пока не почувствуют тепло слияния. Мы не торопим вас, Лекс. Эквилибриум подождёт. У нас бесконечное терпение. Но когда вам станет слишком больно нести свою индивидуальность — когда ваш рюкзак с кошмарами станет неподъёмным — просто попросите. Мы заберём её. И вам станет так легко, что вы забудете, зачем сопротивлялись.

Свет в глазах мужчины померк. Зрачки вернулись к нормальному размеру. Золотое сияние кабелей мягко перетекло обратно в привычное сапфировое. Окружающие люди снова пришли в движение, как ни в чём не бывало. Мужчина в серой форме моргнул, посмотрел на Лекса с лёгким удивлением, словно не помнил последних двух минут, и пошёл дальше по своим делам.

Лекс стоял посреди толпы, покрытый холодным потом. Руки дрожали. Адреналин заливал кровь, но бежать было некуда, а бить — некого.

Враг не собирался его пытаться. Враг не собирался его убивать. Враг собирался медленно, с улыбкой, растворить его в себе. Как сахар в тёплом молоке. Если он не найдёт Слепое пятно — кусок этого проклятого рая, где сеть не ловит — прямо сегодня, он действительно может сдаться. Не потому, что его сломают. А потому, что ему *понравится*.

Глава 4. Слепое Пятно

На пятый день он начал сдаваться.

Не героически, не с боем, не в пламени последнего сражения. Тихо. Постепенно. Как человек, который тонет не в шторме, а в тёплой ванне — вода поднимается по миллиметру, и в какой-то момент ты просто перестаёшь замечать, что уже не можешь дышать.

Давление чужой эмпатии больше не было абстрактным фоном. Оно стало физически осязаемым, как толща воды над головой ныряльщика. Стоило Лексу испытать раздражение от слишком яркого света — и десяток людей в радиусе ста метров мягко транслировали ему успокаивающие импульсы.

Однажды он споткнулся на лестнице. Секундный испуг даже не успел стать испугом: сеть мгновенно укутала его нейроны химическим коктейлем серотонина. Мир опережал его собственные рефлексy.

За пять дней он ни разу не разозлился. Не испытал раздражения. Не почувствовал одиночества. И это пугало его больше всего — если бы он мог это ещё пугаться. Контур методично отрезал от него куски его собственных эмоций, как хирург отсекает опухоль. С той разницей, что Лекс не был уверен, что отсекают опухоль, а не самого пациента.

Утром он попытался проверить себя простым способом: вспомнить имя первого человека, которого убил на Либерии. Имя было где-то рядом, за тонкой плёнкой тепла. Не исчезло, нет. Эквилибриум не стирал грубо — грубость считалась бы терапевтически неэлегантной.

Имя лежало в памяти аккуратно упакованным, как опасный инструмент в мягком футляре. Лекс знал, что оно важно. Знал, что должен чувствовать вину. Но вина приходила не ножом, а учебной карточкой: *травматическое воспоминание, обработка в процессе*.

Он попробовал разозлиться на это. Получилось что-то вроде лёгкого недовольства сервисом.

— Отлично, — сказал он вслух пустой ячейке. — Скоро буду оставлять им пять звёзд за удаление личности. Минус один балл за отсутствие соли.

Стена, уловив изменение тональности, мягко посветлела. Где-то на краю восприятия возникла вежливая рекомендация выпить тёплой воды и принять короткий сеанс совместного дыхания.

Лекс закрыл лицо ладонями.

Даже сарказм здесь получал медицинское сопровождение.

«Через неделю я буду улыбаться, как они, — подумал Лекс, сидя на полу своей открытой ячейки и глядя на пульсирующий сапфировый потолок. — Через две — не вспомню, зачем прилетел. Через месяц — буду искренне благодарить Администратора за то, что он стёр мне память. И это

будет не притворство. Это будет настоящее, подлинное счастье. Вот что самое страшное.»

Зеркало, запертое внутри его искусственной депрессии, тоже начало замедляться. ИИ подавал тревожные сигналы — короткие, судорожные вспышки на периферии сознания, похожие на мигание умирающей лампочки: *«Внимание. Базовая личность носителя: целостность 73%. Критический порог: 60%. При растворении объекта в синхронии код будет стёрт как остаточный артефакт»*

На третий день он почти не ушёл от этого.

Это случилось в общем зале питания на четырнадцатом ярусе. Лекс зашёл туда не есть — он не мог заставить себя есть в комнате без углов, — а сесть у стены и переждать самый плотный час, когда сеть, по словам Зеркала, перенаправляла больше всего фоновой нагрузки и потому хуже различала отдельные профили.

Зал был полон. Граждане ели вместе, медленно, без индивидуальных тарелок: пищевой автомат выдавал общий вкусовой профиль, и шестьсот человек одновременно ощущали один и тот же оттенок мягкой солёности. Еда не была ни вкусной, ни плохой. Она была *согласованной*.

Рядом с Лексом сел мужчина лет сорока. Серая туника, мягкие манжеты, тёплый профиль. Он ничего не сказал. Просто сел, поел и положил ладонь Лексу на колено. Лекс напрягся — на Земле такой жест означал бы три разных опасных вещи, ни одну из которых не хотелось обсуждать. Но

мужчина смотрел вперёд, никуда специально, и его ладонь лежала на колене Лекса так же спокойно, как лежала бы на собственном.

— У вас тяжёлый профиль, — сказал он наконец. Не Лексу. В пространство.

— Да.

— Я могу поддержать часть.

— Что?

— Часть. Меньше половины. У меня сегодня лёгкий день. Я в состоянии нести чужое до вечера.

Лекс смотрел на чужую руку на собственном колене. Только через несколько секунд тело перестало ждать удара.

Это была не атака. *Услуга*. Бытовая. Мужчина не пытался войти в его травму. Он предлагал поделиться весом, как сосед предлагает помочь поднять мебель.

— Я не местный.

— Я понял. У вас земной контур реакций. Поэтому я и предложил. Местные обычно сами просят.

— А если я откажусь?

— Откажетесь. — Он чуть пожал плечами, не убирая ладонь. — Это разрешено. Просто реже встречается. Большинству к этому моменту уже хочется не нести самим.

Лекс попытался отказать. Открыл рот. Не получилось. У него внутри что-то очень глупое, очень детское, очень *выспавшееся* в первый раз за пятнадцать лет — этой ладони обрадовалось. Не телу. Ладони. Самому факту, что есть кто-

то, кто знает, что у тебя плохо, и не считает это твоей единичной проблемой.

Зеркало в его голове ничего не сказало. Хуже любого предупреждения. ИИ, которому Лекс заплатил собственным черепом, *молчал* в момент, когда на колене Лекса лежала чужая ладонь и предлагала забрать часть его веса. Возможно, ИИ не успевал. Возможно, ИИ тоже хотел.

Лекс продержался секунд двадцать. Потом аккуратно, почти вежливо, как делают когда уходят из чужого дома, снял ладонь со своего колена и положил её на стол между ними. Кожа мужчины была тёплой и сухой.

— Спасибо, — сказал он. — В другой раз.

— Конечно.

Мужчина не обиделся. Он улыбнулся ровно той же улыбкой, какой улыбался до этого, и через минуту встал и пошёл дальше. Лекс смотрел ему в спину и понимал две вещи. Первая: эта услуга была настоящей. Никто не пытался его взломать. Кто-то просто предложил поддержать. Вторая: если бы он согласился, через две недели он бы сам подсаживался к новеньким и предлагал им то же, искренне, без задней мысли, и был бы при этом частью того, что Серый когда-то называл «оптимизацией».

Хуже не было ничего. Он впервые понял, что Эквilibrium побеждает не аргументом и не насилием. Он побеждает потому, что *тебя действительно жалеют*. Не для того, чтобы что-то с тебя получить. Просто жалеют. И через эту жа-

лость ты постепенно перестаёшь.

Зеркало щёлкнуло только через сорок минут, когда Лекс уже вернулся в свою ячейку. Тихо, виновато:

«Я была медленной. Регистрирую как сбой».

— Не сбой.

«Тогда что».

— Ты тоже хотела согласиться.

«Регистрирую».

С того дня Лекс не ходил в общий зал питания. Он ел один, у себя в ячейке, и каждый раз чувствовал себя идиотом, потому что общий вкус был лучше.

Лексу нужно было укрытие. Пространство без транзакций. Место, где его мозг перестанет делиться эмоциями с миллиардами незнакомцев, как последний идиот, выложивший пароль от банковского счёта в открытый чат.

Он прикрыл глаза и позволил Зеркалу вывести карту локальной подсети прямо на сетчатку. Бледно-зелёные линии расчертили темноту под веками — идеальная, сияющая паутина биокабелей Сектора-4. Сотни узлов, тысячи связей, миллионы транзакций в секунду. Весь город — один огромный, пульсирующий мозг.

И в этом мозге — один «мёртвый пиксель». Аномалия. Старый технический коллектор глубокого заложения, построенный ещё первыми колонистами из обычного бетона и стали, до того как Эквilibrium перешёл на органическую архитектуру. Толстые стены из армированного железобето-

на экранировали сигнал. Для сети это место просто не существовало. Как чёрная дыра посреди галактики нейронов.

«Вероятность сохранения автономного ядра носителя при регулярном доступе к экранированной зоне: повышается на 18,4%», — сообщило Зеркало.

— Восемнадцать процентов, — пробормотал Лекс. — Роскошь. Почти отпуск.

«Дополнительное наблюдение: маршрут к зоне проходит через участки низкой плотности граждан. Возможны физические препятствия старого типа».

— Физические препятствия старого типа, — повторил он. — Двери, лестницы, грязь. Какой кошмар. Люди же могут начать пользоваться ногами.

Лекс встал. Никто не спросил, куда он идёт — в Эквилибриуме не было полиции. Зачем полиция, если каждый гражданин — одновременно и камера наблюдения, и судья, и свидетель? Контроль осуществлялся изнутри. Контур не ставил заборов. Он просто делал так, чтобы тебе не хотелось уходить.

И всё же город попытался задержать его. Не приказом. Не блокировкой. Конечно нет. Сначала коридор мягко перестроил поток людей так, чтобы Лекс оказался возле малого сада отдыха. Там двое граждан играли с ребёнком в игру без победителей: световые фигуры складывались в общий узор, и каждый ход считался удачным, потому что помогал всем чувствовать себя включёнными. Ребёнок поднял на Лекса

глаза и улыбнулся.

Улыбка была настоящей. Особенно нечестно.

«Вы выглядите уставшим», — коснулась его мысль женщины рядом. — *«Можно посидеть с нами. Здесь тихо»*.

Лекс посмотрел на сад: мягкий свет, тёплые сиденья, вода в прозрачном канале, люди, которым не нужно было защищаться друг от друга. Несколько секунд он почти согласился. Не из слабости. Из усталости. Из того простого, постыдного желания перестать быть отдельным человеком, которому всё время приходится держать оборону.

Зеркало болезненно дёрнуло шрам у основания черепа.

— Спасибо, — сказал Лекс вслух. — Я уже иду в тихое место.

Женщина кивнула с такой мягкой радостью, будто он выбрал правильную терапевтическую практику. Эквilibриум умел благословлять даже побег, если ещё не понимал, что это побег.

Лекс спустился на нижний технический уровень. Переход был разительным. Гладкий, тёплый, живой биополимер под ногами сменился холодным, мёртвым металлом. Решётчатый настил звенел под ботинками. Стены были из серого бетона, покрытого пылью и ржавыми потёками. Здесь пахло старым железом и сыростью — настоящими, нефилтрованными, агрессивными запахами. Лекс жадно вдохнул. Это был запах реальности. Первый за пять дней.

Свет здесь мигал. Не плавно переливался, не подстраивался под настроение, а именно мигал: старые аварийные панели включались с задержкой, одна лампа над лестницей трещала и периодически умирала на полсекунды. Лекс замер под ней и поймал себя на том, что ждёт исправления. Наверху любой сбой зарастал бы сам, стены перестроили бы проводку, контур извинился бы за микростресс.

Здесь лампа просто была плохой.

Лекс вдруг почувствовал к ней почти нежность.

У поворота на бетонной стене он заметил царапины. Не случайные: три короткие линии, одна длинная, потом крест. Зеркало подсветило их зелёным контуром.

«Повторяющийся маркер. Вероятно, навигационный знак».

— Или кто-то пытался написать неприличное слово и передумал, — сказал Лекс.

«Смысловая вероятность ниже 12%».

— Ты многое потеряло, пока было машиной.

Он подошёл к тяжёлому люку, не подключённому к сети. Ржавый, покрытый пылью вентиль торчал из стены, как реликт допотопной эпохи. Лекс взялся за него, и металл обжёг ладони холодом. Ржавчина впилась в кожу. Лекс с усилием провернул вентиль — тот протестующе заскрежетал — и толкнул дверь плечом.

* * *

Как только тяжёлая стальная дверь захлопнулась за его

спиной, отрезая Лекса от биолюминесцентного свечения города, наступила абсолютная, глухая тьма. И тишина.

Не та «тишина», которую он слышал наверху — фоновый гул миллиардов умов, из которого выкли громкие звуки. Нет. Настоящая тишина. Абсолютный ноль информации. Вакуум.

Лекс ожидал, что почувствует долгожданное облегчение. Пять дней он мечтал о тишине, как загнанное животное мечтает о норе. Вместо облегчения его колени подкосились, и он с размаху рухнул на бетонный пол. Удар отдался болью в коленных чашечках, но эта боль была ничтожной по сравнению с тем, что обрушилось на него изнутри.

В ушах зазвенело с такой силой, что он закричал. Его собственный крик, грубый и хриплый, отразился от бетонных стен и ударил его по ушам — первый настоящий звук за пять дней, не отфильтрованный, не сглаженный, не «оптимизированный».

Желудок свело судорогой, и Лекса вырвало желчью прямо на решётчатый настил. Кислый, едкий вкус поднялся по горлу, обжигая нёбо. Сердце забилося дикой, панической дробью. Лёгкие хватали пыльный воздух, но кислорода словно не хватало. Тело корчилось, как рыба на берегу.

Это был абстинентный синдром. Аллергия на тишину.

Всего за пять дней его мозг привык к тому, что миллиарды чужих префронтальных кор выполняют часть его фоновой работы. Сеть забирала стресс, регулировала гормоны,

дышала вместе с ним, думала за него. Нейроны расслабились и передали половину функций на аутсорс.

Теперь соединение оборвалось. Они остались один на один со своей работой — и запаниковали, как офисный клерк, которому в пятницу вечером внезапно выключили интернет и сказали считать всё на бумаге.

Вместе с тошнотой вернулось слишком многое. Не постепенно — разом, как если бы кто-то опрокинул на него ящик с ржавыми инструментами. Раздражение. Страх. Злость. Вина. Усталость. Все те грязные, плохо подписанные коробки, которые Эквилибриум за пять дней успел аккуратно убрать на склад. Они посыпались ему на голову, и каждая требовала внимания.

Лекс попытался вспомнить имя убитого в Либерии.

На этот раз память не была упакована.

— Павел, — выдохнул он, упираясь лбом в бетон. — Его звали Павел.

Имя ударило болью в грудь. Настоящей. Неприличной. Несоразмерной. Такой, которую нельзя было красиво распределить между сочувствующими гражданами и назвать процессом исцеления. Лекс застонал и почти сразу рассмеялся, потому что только что радовался возвращению вины. Психиатры Консорциума могли бы построить на этом целую карьеру, если бы у них было воображение.

Лекс свернулся в клубок на холодном бетоне, дрожа от ледяного пота. Футболка промокла насквозь. Зубы стучали.

Он заставил себя дышать. Вдох — через нос, считая до четырёх. Задержка — на два. Выдох — через рот, считая до шести. Дыхательная техника из боевой подготовки, которая спасала его в Либерии, когда осколочный снаряд пролетал слишком близко.

Он концентрировался на боли в ободранных о решётку ладонях. Кожа на правой ладони содрана, в ссадине поблёскивала бурая кровь. Это была *его* боль. Настоящая. Не сглаженная сетью. Не распределённая на миллион страдающих граждан. Его, и только его. Медленно, по крупичкам, как алкоголик, собирающий себя после запоя, он восстанавливал своё «Я» обратно в черепной коробке.

Сначала вернулось слово «я». Не как грамматическая привычка, а как физическое ощущение границы. Вот бетон под щекой. Вот кровь на ладони. Вот тошнота. Вот стыд. Вот желание встать и ударить стену только потому, что стена не попросит поделиться причиной агрессии.

И в этот момент он почувствовал укол.

Не физический — на коже не было ничего, кроме ссадин. Этот укол пришёл изнутри: тонкая, едва уловимая ниточка тепла, проникшая сквозь почти девяносто девять и семь десятых процента экранирования. Он сразу узнал её.

Синтетическое участие.

Сеть нашла щель — может быть, в трубе вентиляции, может быть, в трещине бетона, может быть, в нём самом, — и через эту щель посылала ему мягкое, ласковое предложение

перестать страдать. Не приказом. Не атакой. Просто рукой, протянутой в темноту: *мы здесь. Дыши. Можно вернуться.*

Желание сказать «да» было настолько сильным, что Лекс впервые понял Мишель не головой. Кожей. Через две недели в этой темноте человек не просто захочет вернуться. Он начнёт благодарить контур заранее, чтобы не выглядеть невежливым.

Он стиснул зубы и впился ногтями в открытую ссадину на ладони. Кровь снова потекла по запястью, тёплая и неприлично щедрая. Саднило тупо и честно. Кровь на запястье перетянула его обратно к собственному телу.

— Нет, — прохрипел он. — Я ещё не сдался.

«Носитель», — Зеркало щёлкнуло слабее обычного. — *«Я фиксирую остаточный пинг сети. Это не слабая угроза. Это разведывательный сигнал. Они знают, что здесь чёрная зона, и регулярно её щупают. Если ты удержишься надолго и снова уснёшь, твой профиль может начать частично сливаться с общим контуром через эти пинги».*

— Сколько у меня времени?

«В среднем — четыре часа за сеанс. Потом нужно выходить и возвращаться, чтобы пинги не накопились в фоновую зависимость».

— То есть свобода — это четырёхчасовой абонемент.

«Очень неудобный график. Но реалистичный».

Лекс закрыл глаза и сосредоточился на разодранной ладони. Горячая полоска под кожей держала общий шёпот на

расстоянии.

Потом вернулось «нет».

Лекс произнёс его вслух, хрипло и неадресно:

— Нет.

Слово прозвучало жалко. Сухо. Без свидетелей. И всё равно оно было похоже на маленький взрыв.

«Пять дней, — подумал он, прижимая разбитую ладонь к ледяному бетону. — Пять дней, и я уже ломаюсь без их наркотика. Героиновые наркоманы держатся дольше.»

Когда приступ тошноты отступил — оставив после себя гадкий привкус и слабость в коленях — Зеркало внутри него ожило с удвоенной силой, словно вырвавшись из смирительной рубашки. ИИ мгновенно перешёл в боевой режим: зелёные строки побежали по сетчатке, диагностические данные хлынули потоком.

«Соединение с глобальной сетью: отсутствует. Экранирование: 99,7%. Статус маскировки: неактуален. Рекомендация: использовать данную зону для всех операций, требующих приватности».

Лекс прислонился затылком к холодной стене и хрипло рассмеялся. Смех звучал странно — скрежещуще, некрасиво, с привкусом желчи. Первый настоящий смех за пять дней. Там, наверху, его смех усреднили бы до лёгкой улыбки.

Тишина была мучительной. Но она принадлежала только ему.

* * *

— Смейся тише, придурок. Эхо по трубам разносится на два километра.

Лекс мгновенно замер. Его правая рука рефлекторно метнулась к бедру — туда, где в Либерии висела кобура. Пустота. Голос прозвучал не в его голове. Не мыслепакет, не эмпатический импульс. Это был настоящий, физический звук. Звук человеческих голосовых связок, отражающийся от бетонных стен. Звук, который нельзя было подделать алгоритмом.

В десяти метрах от него в темноте вспыхнул тусклый жёлтый свет химического фонаря — грубого, армейского, из тех, что на Земле давали новобранцам. В его луче стояла девушка. Лет двадцать пять, может, тридцать — на Эквилибриуме возраст угадывался плохо, сеть поддерживала всех в оптимальном состоянии. На ней была такая же стандартная серая туника гражданского уровня, испачканная машинным маслом и чем-то бурым — ржавчиной или кровью, Лекс не мог разобрать при таком свете. Волосы небрежно обрезаны — не стрижка, а скорее результат нетерпеливого взмаха ножницами. Или ножом.

В её руке был зажат кусок тяжёлой арматуры. Ржавый, с острыми зубринами. Совершенно неуместный предмет в мире, где конфликты решались обменом мыслепакетами. Лекс невольно проникся уважением.

За её спиной тянулась низкая ниша, прикрытая куском старого пластика. На полу лежали свернутые одеяла, две ме-

таллические кружки, моток провода и стопка бумажных листов, прижатых гайкой. Бумага. Настоящая. Лекс не видел бумаги с момента прибытия: наверху всё возникало в интерфейсе и исчезало, не оставляя следов. Здесь слова, видимо, приходилось пачкать руками.

На ближайшем листе крупно, неровным почерком было написано: НЕ ВЕРЬ ПЕРВОМУ ОБЛЕГЧЕНИЮ.

Ниже другой рукой: *и второму тоже, но первое особенно наглое*.

Девушка заметила его взгляд и пнула лист носком ботинка, разворачивая чистой стороной вверх.

— Не читай чужое, — сказала она. — Здесь за это пока ещё можно получить по лицу. Мы стараемся сохранять культурное наследие.

— Ты кто такой? — спросила она. Её голос был резким, угловатым, как кусок того же бетона. В нём не было ни капли той обволакивающей заботы, к которой Лекс привык наверху. В нём звучали подозрительность и страх без фильтра. Злость. Готовность ударить. Прекрасно. Как первый стакан чистой воды после недели сладкого сиропа.

— Меня зовут Лекс, — он медленно поднял руки, показывая пустые, ободранные ладони, и попытался сфокусировать зрение в полумраке. Фонарь девушки бросал резкие тени, превращая её лицо в карту из тёмных и золотых пятен. — Я только что чуть не сдох от тишины. Ты, наверное, слышала.

— Слышала, видела и нюхала, — она кивнула в сторону лужи желчи у его ног. — Классический синдром. Пятый день?

— Пятый.

— Рекорд. Большинство приползают сюда на третий.

Девушка не опустила арматуру, но свет фонаря чуть сместился, выхватывая его дрожащие плечи, промокшую от пота футболку и расширенные зрачки. Она оценивала его, как врач оценивает поступившего в приёмный покой — быстро, профессионально, без лишних эмоций. Её напряжённые плечи слегка расслабились. Она узнала симптомы ломки. Этот человек не был шпионом Администратора. Шпионы не блюют на пол.

— Почему третий? — спросил Лекс, всё ещё пытаясь не дышать слишком часто.

— Потому что на третий день большинство ещё помнит, что им не нравится, — сказала она. — На пятый уже начинается благодарность. Самая мерзкая стадия. Человек смотрит на собственную клетку и думает: надо же, как удачно подобрали цвет стен.

— Я сегодня почти поблагодарил лампу.

— Лампы можно. Они хотя бы не отвечают.

— Ты продержался на ногах меньше минуты, прежде чем блевать начал, — сухо констатировала она, подходя на шаг ближе. Арматура всё ещё в руке, но уже расслабленно, вдоль тела. — Новички всегда думают, что готовы к Слепому пят-

ну. Что тишина — это свобода. А потом их нейроны устраивают им маленький бунт за то, что хозяин посмел думать самостоятельно. Твои синапсы уже размякли, Землянин.

Она знала, откуда он. Акцент? Осанка? Или просто тот факт, что он выглядел так, словно внутри него дерутся два человека?

— Перевернись, — сказала она.

— Что?

— Лицом вниз. Руки в стороны. Если попытаешься встать раньше, чем я скажу, я тебе сделаю больно очень неэффективно. У меня нет терапевтического опыта, только арматурный.

Лекс лёг. Он был слишком измучен, чтобы спорить, и слишком профессионален, чтобы не выполнить очевидно правильную команду. Когда тебя ловят с поличным — а на Эквистриуме «с поличным» означало просто быть отдельным человеком в неподобающем месте, — ты не споришь с местным.

Она подошла, присела рядом и провела пальцами по основанию его черепа, нащупывая нейроразъём. Прикосновение было быстрым, точным, без капли нежности. Она знала, что искать.

— Стандартный земной разъём, — сказала она. — Военная серия. Старый. Не корпоративный. Это уже подозрительно: гражданские с Земли таких не носят. Но не критично. Что у тебя в нём?

— Ничего.

— Раз скажешь «ничего», я не услышу. Два — поверю.

Три — начнём с начала, только без вопросов.

Она ждала. Лекс выдохнул в бетон.

— Старая военная прошивка. Нерабочая.

— Правда?

— Частично.

— Уже теплее.

Её пальцы прошли по разъёму ещё раз. Лекс почувствовал, как Зеркало в его голове пошло в защитный режим — не открываясь, но и не выдавая себя. Просто стало ещё тише.

— Если у тебя там активный имплант, ты привёл сюда наблюдателя, — сказала она. — Это значит, что через тебя сеть когда-нибудь сможет картировать это место. Это значит, что я и одиннадцать человек, которые сюда ходят, — мёртвые. Это, в свою очередь, означает, что я предпочту сделать кое-что прямо сейчас, чем рисковать.

— Ты сейчас собираешься меня убить? — спросил Лекс ровно.

— Собираюсь решить. Ты мне очень помогаешь не убить тебя тем, что не врёшь полностью.

— Это, в общем, лучшее определение земной дипломатии, которое я слышал.

— Я не земная дипломатия. Я бывший электротехник из вентиляционных шахт.

Она помолчала, пальцы её всё ещё лежали на разъёме.

— Зачем ты сюда пришёл, Лекс?

— Спрятаться. Подышать. Проверить, что я ещё не их продукт.

— И всё?

— Всё, что я готов сказать сейчас.

— Хороший ответ. Земные обычно тут пытаются сразу впечатлить меня героической биографией. Через час я обычно их выкидываю.

— Я слишком устал, чтобы впечатлять.

— Это работает. Не специально, но работает.

Её пальцы ещё раз прошли по разъёму. Лекс почувствовал, как Зеркало внутри него прижалось к самой глубине его травмы — не выдало себя, но и не оставило свободного места для прощупывания.

— Имплант холодный, — сказала Мишель. — Если что-то и работает, то очень тихо. Я тебе это запомню. Если работает громче, мы поговорим иначе.

— Принято.

— Не «принято». Ты не отчёт подписываешь.

— Понял.

— Уже лучше.

Она убрала руку. Не убирая арматуру.

— Я тебя сейчас не убью. Не потому что верю. Потому что мне любопытно, насколько глупый ты человек. Это, в общем, единственный валютный курс на Эквилибриуме, который сейчас работает.

— Я ценю этот вотум.

— Вставай. И запомни: я могу передумать в любой момент.

Лекс сел. Голова кружилась.

— Я Мишель, — сказала она, наконец опуская кусок трубы. Металл лязгнул о бетон. Звук был грубым, резким, настоящим. — Добро пожаловать в единственное место на планете, где ты можешь ненавидеть меня, а я даже не узнаю об этом, пока ты не скажешь это вслух.

Она протянула ему химический фонарь. Лекс взял его, и их пальцы на секунду соприкоснулись. Никакого обмена данными. Никакого мыслепакета. Никакого сочувственного импульса. Просто кожа — к коже. Тёплые пальцы — к холодным. Физический контакт без метаданных.

Мишель тут же отдёргнула руку. Не испуганно — дисциплинированно. Как человек, который слишком хорошо знает цену случайному утешению.

— Правило первое, — сказала она. — Здесь никто никого не успокаивает без спроса. Даже если хочется. Особенно если хочется. Наверху желание помочь — это повод влезть тебе под кожу. Здесь желание помочь сначала идёт в угол и думает над своим поведением.

— У вас есть правила?

— У нас есть синяки от времён, когда правил не было.

Она кивнула на его ободранные ладони.

— Встанешь?

— Если это вопрос, да. Если терапевтическая рекомендация — иди к чёрту.

Мишель впервые улыбнулась. Криво, устало, совсем коротко.

— Встанешь.

Лекс ухватился за холодную стену и поднялся. Ноги дрожали, но держали. Это тоже было важно: не то, что ему помогли, а то, что позволили самому сделать уродливое, неэффективное усилие.

Лекс тяжело выдохнул. В мире абсолютной прозрачности возможность скрыть свои мысли внезапно показалась ему самым интимным актом на свете. Интимнее секса, интимнее исповеди. Просто стоять рядом с человеком и *не знать*, что он думает. Какая роскошь.

Он нашёл свой узел. И, кажется, свою первую союзницу в этом ласковом аду.

Глава 5. Добровольное утопление

Мишель бросила Лексу помятую металлическую флягу. Он поймал её на лету — рефлекс, доставшийся от Либерии, где всё, что летит в тебя, нужно либо поймать, либо убить. Вода внутри отдавала ржавчиной и пылью, и после первого глотка рот наполнился привкусом старых труб, конденсата и чего-то отдалённо похожего на мел.

Для Лекса, чьи рецепторы отвыкли от настоящих, неусреднённых вкусов, это был лучший напиток в жизни. Острый. Грубый. С характером. В отличие от всего, что ему подавали наверху.

— У вас тут пятизвёздочный сервис, — сказал он, делая второй глоток.

— Ржавая вода и бетонный пол, — кивнула Мишель без улыбки. — Лучший курорт на планете. Места бронируются за год.

Они сидели на полу старого коллектора, окружённые плотной, спасительной темнотой. Единственным источником света был химический фонарь, висевший на гвозде, вбитом в бетонную стену. Он бросал жёлтый, нервный свет, от которого тени дёргались, как живые. После пяти дней идеального, невозмутимого сапфирового свечения Эквilibrium эта дрожащая, грубая лампочка казалась Лексу произ-

ведением искусства.

Мишель дала ему две минуты прийти в себя, потом поднялась и кивнула в сторону низкого прохода.

— Пойдём. Покажу тебе нашу столицу.

Столицей оказался участок коллектора длиной метров сорок, перегороженный кусками старого пластика, тканью, арматурой и плохими решениями. Никакой симметрии. Никакой мягкой архитектуры. Здесь всё стояло криво, держалось на честном трении и выглядело так, будто рухнет, если кто-нибудь слишком оптимистично чихнёт.

Лекс шёл за Мишель по узкому проходу и впервые за пять дней видел вещи, которые не пытались ему понравиться.

В первой нише двое мужчин спорили из-за одеяла. Не обменивались аккуратными пакетами недовольства, не регулировали эмоциональный фон, а именно спорили: шёпотом, зло, перебивая друг друга. Один говорил, что его очередь спать ближе к тёплой трубе. Второй отвечал, что очередь — это буржуазная выдумка людей, у которых не болит спина. Спор был мелкий, некрасивый и совершенно бессмысленный.

Лекс поймал себя на том, что слушает его с облегчением.

— Они так уже час, — сказала Мишель. — Никто не умер. Прогресс цивилизации.

В следующей нише женщина лет пятидесяти сидела перед маленькой металлической коробкой и нюхала что-то из тряпичного мешочка. При виде Лекса она резко закрыла короб-

ку ладонью.

— Не трогай, — предупредила она.

— Я ещё ничего не сделал.

— На Эквилибриуме это не аргумент.

Мишель хмыкнула.

— У неё коллекция запахов. Настоящих. Плесень, машинное масло, перец, старые книги. Половина запрещена санитарными рекомендациями, вторая половина просто никому наверху не нужна.

Женщина приоткрыла мешочек. В воздух ударил резкий, сухой запах перца. Лекс чихнул так громко, что где-то в глубине коллектора кто-то выругался.

— Красиво, — сказал он, вытирая глаза.

— Вот, — женщина удовлетворённо кивнула. — Нормальный человек. Страдает, но понимает.

Дальше, у стены, подросток лежал на полу, прижавшись спиной к бетону. Он не спал. Просто смотрел в потолок, где проходила ржавая труба.

— Это Тома, — тихо сказала Мишель. — Наверху он не мог уснуть без общего контура. Здесь первые три ночи кричал. Теперь спит только если касается стены. Ему нужно знать, где заканчивается он.

Лекс не нашёл, что ответить.

В соседней нише на низкой скамейке сидела женщина лет сорока. Перед ней на бетонном выступе лежали несколько листов плотной серой бумаги, исписанных мелким почер-

ком. Лекс присмотрелся и понял: это были имена. Просто имена, столбиками, с датами рядом. Некоторые были обведены рамкой. Некоторые — зачёркнуты. Под одним стояло короткое слово «вернулся» с вопросом в скобках. Женщина смотрела на список так, будто держала его в равновесии лёгким сосредоточением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.